

Елена
Рейн

ФЕРЗЬ:
НА ГРАНИ

Елена Рейн
Ферзь. На грани
Серия «Девочки ЗА спорт», книга 6

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64032117*

Аннотация

Ферзь – безжалостный хищник, презирающий законы, от которого нельзя спрятаться или уйти. Его нанимают тогда, когда нужно выполнить невозможное. Очередной заказ выбил мужчину из равновесия, но он не способен на чувства и напролом идет к своей цели. А что будет со зверем, когда он узнает, что манящая его женщина выходит замуж, решив спрятать то, что принадлежит ему?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	35
Глава 4	48
Глава 5	67
Глава 6	88
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Елена Рейн

Ферзь. На грани

Глава 1

Год назад

Старалась не подглядывать за мужчиной, с яростью взбирающегося в сторону окна и недовольного тем, что вынужден был остановиться в гостинице, потому что я пробила ножом все четыре колеса его черного внедорожника. Закусила губу, сдерживая счастливую улыбку. Не передать словами, с каким удовольствием я это делала. Но вот совсем не ожидала натолкнуться на него, когда закончила свое дело. Думала, прямо там уничтожит самым изощренным способом, а он лишь грубо дернул на себя, вдавливая в свое рельефное тело, и, схватив за волосы, до боли дергая их, процедил в лицо:

– Еще раз так сделаешь – убью. Мне поручено тебя доставить, но не уточнялось, живую или мертвую.

Ненавидела его. Как же я его ненавидела. Робот. Безжалостный и неуправляемый. Больное, агрессивное животное.

И теперь мы вынуждены были остановиться в двухкомнатном номере гостиницы, на что я очень рассчитывала, планируя вновь попытаться сбежать. Конечно, большинство моих действий спонтанны и нелогичны, ведь я действую по наи-

тию, но иногда это приносит свои плюсы.

Сглотнула и с нежностью посмотрела на свою доченьку со светлыми кудряшками. Совсем маленькая, беззащитная, но видевшая уже столько горя. И все по моей вине. Только по моей.

Закрыла глаза, на секунду вспоминая, что пережила за то время, когда Высоков ежедневно вбивал в меня информацию, что после родов я помутилась рассудком и пытаюсь убить свою дочь. Затрясло. Никогда не думала, что могу быть втянута в жестокую игру, которую досконально продумал вероломный игрок, за что и поплатилась. Розовые очки безжалостно разлетелись на осколки, когда узнала всю правду о том, кого считала мужем.

Мужем... Надо же быть такой наивной дурехой. Сейчас так мерзко вспоминать об этом, а раньше я старалась понять и принять, что мужчина просто не признает штампов в паспорте. И кто не признает? Высоков Владимир Андреевич? Человек, который владеет сетью клубов в разных городах. Предприниматель до мозга костей.

Смешно...

Но это сейчас, а тогда было жутко и страшно. Предательство, обвинение в краже ребенка, психиатрическая больница – буквально растоптали меня, но я смогла сбежать и выкрасть свою дочь. Даже не понимала, как я это сделала – будто в тумане, действовала безрассудно, на ощупь, преследуя одну цель – забрать свою девочку.

Ровно два года нас никто не мог найти. Я истратила большую часть денег, которые остались мне после смерти любимой тети, чтобы оказаться там, где не станут искать. Постоянные переезды дали результат и мы наконец-то затерялись в маленькой деревеньке, где к нам отнеслись с добром. Дряхлая лачужка на окраине поселка, заросшая высокой травой, теплая печь в одной комнатушке – скромно и так спокойно. Я жила со своей малышкой и радовалась каждому мгновению.

А потом я увидела ЕГО на пороге своего убежища... Не передать моего ужаса в тот момент. В глазах сурового мужчины плескалось безумие, жажда, ярость, гнев – он представлял собой САМЫЙ НАСТОЯЩИЙ КОШМАР. Было бесполезно бороться, но я пыталась. Отказывалась верить, что наше счастье закончилось. И все по вине Ферзя – жестокого человека без сердца.

Все время в пути я постоянно пыталась сбежать, действуя импульсивно, не желая слушать угрозы. Но ему... словно это и нужно было. Он как зверь с ухмылкой на хищном лице следовал за мной и всегда находил. ВСЕГДА.

Два дня ада. Сегодня утром он остался с дочкой, а я попросилась в туалет, вылезла через окно и пробила все колеса джипа, а первое прорезала так, что не подлежало ремонту.

Прекрасно знала, что он на пределе, но не могла просто так сдаться. Не позволяла себе впадать в уныние, когда на кону – моя дочь. Была в отчаянии и готова на все, чтобы

скрыться от наемника. Ведь если вновь попадусь в лапы Высокова, он убьет меня. Зачем кому-то знать, что богатый, уважаемый всеми человек использовал наивную дуреху, безжалостно искалечив ей жизнь? Иначе не скажешь. Я поверила в волшебную сказку, а потом, когда подарила мужчине маленькую дочь, он решил избавиться от меня, обвинив в похищении Алены, чтобы привезти ребенка домой законной жене.

Схватилась за тонкое платье, стягивая ткань подола, даже не представляя, как могла так наивно верить, что даже не попросила свидетельство о рождении дочери. Но разве когда любишь, можно не доверять?

Мысль о том, что я сама во всем виновата, сводила с ума, но вместе с тем во мне вновь рвалась наружу только одна цель – убежать и спрятаться. И ради этого я была готова абсолютно на все. Все. Неважно что именно. Эти два года я была счастлива и хотела дальше быть со своей девочкой. Ради нее я готова ломать себя, только бы не допустить того, чтобы она досталась Высокову и его бесплодной жене.

Горько усмехнулась, не сдерживая слезы. Странно, раньше я бы и шагу не сделала, чтобы помочь себе, до последнего надеясь на чудо, а тогда... когда Высоков убеждал, что я душу свою дочь подушкой, тыкая пальцем в камеры, когда узнала правду и оказалась в психиатрической больнице, будто сорвалась. Мозг прекращал лихорадочно работать только тогда, когда меня пичкали таблетками, успокаивали укола-

ми, и я совсем ничего не понимала.

Мысли прервались, когда опасный мужчина с ежиком на голове, облаченный в белоснежную футболку, обтягивающую его рельефное тело, и черные джинсы, достал пачку сигарет из кармана и пошел на балкон. Проводила его ненавидящим взглядом, надеясь, что задохнется от дыма, и повернулась к дочери, заботливо укрыв одеялом.

Сейчас, когда его не было, решила сходить в ванную комнату, вспоминая, что когда Ферзь снял этот номер, и я пошла в туалет, то за стиральной машинкой увидела стеклянную бутылку из-под шампанского. Может... В голове кружило множество безрассудных мыслей. Совершенно не знала, что хочу, но когда увидела ее, подумала, что это единственный мой шанс сбежать.

Оказавшись в серой комнатке, где пахло сыростью, провела рукой по хлипкой двери, отметив, что Ферзь ее сломает одним ударом. Подозревала, что мужчина получал удовольствие, когда крушил и ломал все, что встречалось на его пути. Подошла к машинке и подняла пустую бутылку, сжимая в руках. Мысль, что я могу ударить человека, ужаснула, но потом вспомнила, что он не просто так здесь нас охраняет, а наемник, которому платят, чтобы привез нас, и отбросила глупые страхи в сторону.

Закрыла глаза, надеясь, что мне хватит сил. Заметив вчера, как он хищно сканировал мое тело, когда вышла из ванной, после того как устроила ему гонки по грязи в дождь,

подумала, что могла бы соблазнить. Жаль, что не умею и не представляю как, но разве это у нас не в крови, как говорила моя старшая сестра?

В своем успехе я сомневалась. Он же бешеный и ему на все плевать, а женщина для такого зверя нечто вроде закуски. Но его яростные грязные взгляды давали надежду.

Я не могла просто сдаться...

Балконная дверь выдала скрип. Вздогнула и дрожащими руками поспешно поставила бутылку на полочку в углу и прикрыла шторкой молочного цвета. Посмотрела на свое платье и прижала руки к груди, уже через секунду пытаюсь расстегнуть множество пуговиц.

Почувствовав обжигающий огонь по коже, подняла взгляд и встретила с голодным взглядом Ферзя. Его кадык дернулся, и я задрожала. Сглотнула и отступила к чугунной ванне, продолжая смотреть в его черные пугающие глаза. На мгновение на лице мужчины отразилось раздражение. Он скривился, а потом отвернулся и рывкнул:

– У тебя пять минут.

Понимая, что он уйдет и больше такого удачного шанса не случится, я на секунду заострила внимание на занавеске и громко воскликнула:

– Не уходи!

Мужчина некоторое время стоял, абсолютно не двигаясь. Я с испугом смотрела на его напряженную спину, не зная, чего ожидать. Ферзь резко обернулся, прищурился, отчего

стал выглядеть еще опаснее, а потом выдал:

– Тебе это не поможет.

Дрожала, переживая, что упаду в обморок от волнения. Внутренности сжимались от страха и хотелось спрятаться от всего мира где-нибудь в уголочке.

– Я... знаю. Только вот... – запнулась, подбирая слова, а потом выдохнула: – Думаю, после того как ты вернешь нас Высокову, он быстро поручит меня убить, а мою девочку отдаст своей жене на воспитание, как и планировал...

– Не нужно! – грубо выдал мужчина, прерывая мою речь. – Меня это не касается.

Зрачки забегали, отчаяние забилося в груди сердце, сжимаясь с такой силой, что не могла дышать. Я обхватила себя за плечи, но вдруг резко развела руки в стороны и горестно воскликнула:

– А что тебя касается? Ну что?! Кроме как совершать мерзость, ты на что-нибудь еще способен?

Даже не поняла, как мужчина оказался рядом и сжал мое горло, отчего начала задыхаться. Наемник ослабил хватку, и я тут же ощутила обжигающую ладонь на своем бедре. Ферзь грубо сжал, прожигая взглядом, проверяя реакцию. Еле сдержала крик, чтобы не заорать ему в лицо. Не передать словами, как я его презирала и боялась. Чудовище.

И еще... мне вот совсем не хотелось, чтобы меня трогали. Никогда и никто. Было достаточно тех ласк, что Высоков дарил до беременности, когда завлекал в свои сети, а потом...

все было редко, грубо и так больно, что хотелось выть. Владимир дал мне время, чтобы восстановилась после родов, а потом забыл, чему была очень рада, думая, что он заботится обо мне, но оказалось все банально – ему больше было и не нужно. А сейчас...

– И что дикий котенок хочет от меня? – лениво произнес Ферзь, поднимая выше мой подбородок, всматриваясь в лицо, улавливая любые эмоции. Стало страшно, что он поймет мои намерения, но мысль, что больше шансов на побег не будет, приводила в чувство. Я закусила губу, стараясь дышать ровно, а потом сдавленно выдохнула:

– Мужское тепло...

Наемник выдал хриплый звук, похожий на смех, а потом резко дернул на себя, вдавливая в горячее тело, давая ощутить его возбуждение. Стало дурно от понимания, что там такое огромное прижимается к моему животу, и я попыталась оттолкнуть мужчину, но он перехватил руки и с ленцой сообщил:

– Уверяю, тепла ты не увидишь...

– Такой же пустой внутри, как и снаружи? – не понимала, как я могла такое сказать. Но вот зачем? Дура!

Черные глаза убивали. Мужчина поднял бровь и грубо толкнул к стене, одним движением снимая футболку и швыряя ее в сторону. Стало страшно. Не с тем я решила играть в кошки-мышки. Ферзь с такой яростью снимал с себя ремень, что казалось, придушит меня им. Вытерла вспотевшие ладо-

ни о платье, надеясь на чудо, например, что он исчезнет, но счастья не произошло.

Ферзь сделал шаг ко мне и задумчиво протянул:

– Котенок с коготками. Удивлен. Уверен, трахать тебя я буду с удовольствием.

Смутилась и покраснела, надеясь, что этого не случится. С волнением и страхом наблюдала, как он переступил через свои джинсы и приблизился вплотную, убивая удушающей животной аурой. Четко осознала, что вляпалась. Мне уже казался ужасным придуманный план, и я не представляла, как смогу ударить этого мужчину. Но в фильмах же все так просто...

В фильмах... Но я ведь никогда не пробовала и даже не знаю, как это делать.

Глупо и безнадежно. Да и зачем все? Зачем?!

Боже, но почему именно его послали за нами? Почему ОН?

Сглотнула, задыхаясь от нехватки воздуха, и подумала, что можно еще что-то придумать. Выставила руки вперед, умоляя остановиться, и прошептала:

– Я передумала... Ты...

Что-то изменилось в его лице, превращая в настоящую жестокую маску. Ферзь сжал челюсть, что выглядело устрашающе, и грубо заявил:

– Это неважно. Ты согласилась, а отступать я не привык. Всегда беру то, что хочу.

Дальше поговорить не получилось – мужчина схватил меня за волосы, и больно сжав их, набросился на губы, поражая грубой силой и дикой страстью. Я не могла понять, что происходит, совсем теряясь от сумасшедшего напора, особенно когда его язык проник в рот. Попыталась сопротивляться, но тут же замерла, когда он начал странную игру с языком, переворачивая все ощущения, кидая меня в какой-то затягивающий омут безумия.

Заставляла себя отгородиться от ощущений, но не получалось. Я реагировала, на каждое его движение. Когда его руки прошли по бедрам, а затем дошли до груди, собственнически хватая, оттягивая тонкую ткань платья, сжимая небольшие полушария, зажимая соски между пальцев, вскрикнула от острых ощущений.

Мужчина оторвался от губ и нечеловеческими глазами плотоядно окинул мое тело. Медленно поднял подол, наматывая на руку ткань, отчего она трещала, и хрипло заметил:

– Ты специально не носишь белья? Чтобы я только и думал о том, почему не могу трахнуть тебя?

Панически пискнула, совсем не радуясь его грубым словам, и покрутив головой, еле слышно выдохнула:

– Ты же не дал собраться...

– Пять минут, – напомнил он с рычанием, обжигая запахом ментола.

– Я собирала детские вещи, – сдавленно воскликнула, теряя голос, потому что мужчина прикоснулся губами к шее,

потом ниже, отчего сердце остановилось. Отступила к ванне, но он не растерялся, дернул на прежнее место и зажал у стены, продолжая нагло исследовать мое тело. Мужчина не знал границ, прикасаясь везде, где хотел, притрагиваясь губами, чуть захватывая кожу зубами.

Его пальцы нащупали резинку плавок, отчего встрепенулась, начиная дергаться, чтобы высвободиться. Встретилась с его хищным взглядом, умоляя глазами убрать руки, но он стиснул губы в суровую линию и, не отрывая глаз, резко разорвал ткань с таким свирепым лицом, что стало страшно за дальнейшие события. Видно, он уловил мой страх и когда схватил за бедра, яростно прогрохотал:

– Пути назад нет.

Даже не успела пискнуть, как мужчина резко поднял, а в следующее мгновение почувствовала мощное вторжение. Да такое, что меня будто разорвало изнутри. Я закричала, и он тут же накрыл рот, успокаивая и не двигаясь. И пусть мучитель давал привыкнуть, я не хотела, чтобы он двигался, чтобы ко мне прикасался. Билась кулачками, пробовала вновь оттолкнуть, но сделала хуже, твердая плоть вошла еще глубже. Даже забыла, как дышать, слыша рычание в губы, чувствуя дерзкие руки и медленно расслабляясь от сексуальных яростных ласк мужчины.

Только боль затихла, освобождая странное желание, поглощающее целиком, Ферзь вновь сделал рывок. Вскрикнула, цепляясь в широкие плечи, тут же раздирая кожу до кро-

ви. Осознав, что сдаюсь, импульсивно откинула руку, не желая притрагиваться к этому чудовищу. Металась, пока не поняла, что случайно схватила бутылку.

За секунду вспоминала, что хотела сделать, и резко замерла. Но отмечая напряжение мужчины, тут же осознала, что хищник почувствовал мое состояние, и когда он хотел повернуть голову в левую сторону, подалась вперед и накрыла его губы, лихорадочно повторяя за ним, понимая, что поступаю правильно, если судить по его рычанию и тому, как алчно обхватил талию, врываясь в меня.

Словно током прошибло. Со всей страстью отвечала, пока не вспомнила, зачем завлекла его. Собралась и внезапно ударила по голове. Мучитель только на секунду застопорился, выдав мат, и резко развернулся. Оттолкнула руками, спрыгивая, и отмечая, что он полетел на меня, в панике схватила порошок в мягкой упаковке со стиральной машинки и кинула в лицо, рассыпая на него все, что было. Мужчина взвыл, очищая глаза, кидаясь к ванне, с яростью цедя:

– Сучка! Убью.

Сердце стучало как сумасшедшее, особенно от понимания, что он не шутил. Убивать он будет медленно, разрезая по кускам. Не теряясь, дернулась на выход, закрывая дрожащими руками дверь, понимая, что у меня несколько минут.

Побежала в комнату и, схватив свою сумку, перекидывая через плечо, быстро подняла спящую дочь и, прижав к груди, бросилась из номера, закрывая ключом. Надеялась, что на-

емник долго проторчит взаперти, вспоминая меня и пытаюсь выбраться. Ключ выбросила в кусты и побежала к дороге.

Постоянно спотыкалась о большие камни, лишь чудом не падая. Было темно, но не так чтобы ничего не видно. Еще немного – и наступит ночь.

В панике смотрела вперед, но никто не ехал по трассе, отчего готова была заплакать. Постоянно оглядывалась, ожидая появления разгневанного мужчины. И вдруг яркий свет фар появился вдалеке – машина. Но если судить по скорости – останавливаться водитель не собирался. А я ждать не могла. Всклипнула и на ватных ногах засеменила на середину, замирая от страха, поглядывая в сторону гостиницы.

Внезапно меня озарило светом, и раздался визг колес. Я в шоке стояла на дороге и смотрела, как из черной иномарки вылезла стройная брюнетка в синих модных джинсах с дырками и в черном топике. Увидев меня, она гневно рявкнула:

– Ты что, дура? Блондинка тупая!

– Я... Он... – ничего не могла сказать. Слова потерялись. Задрожала и захрипела, сотрясаясь от плача.

В эту секунду проснулась Алена и заплакала, отчего меня еще больше скрутило от страха. Я уже не могла успокоиться от пережитого шока и просто дала волю накопившимся эмоциям.

– Эээ... – девушка бросилась к нам, бурча проклятия себе под нос, а потом подбадривающе воскликнула: – Да ладно тебе. Все же хорошо. Ты тут чего?

– Помогите, пожалуйста. Он гонится за нами, – кое-как выдавила из себя.

– Кто гонится? А-а-а-а-а... Неважно. Садись! – закричала брюнетка и стала поторапливать меня, толкая в спину к машине, оглядываясь по сторонам.

Как только я уселась в салон, стала успокаивать дочь, качая и нежно целуя в щечки. Сама перестала всхлипывать, лишь когда машина тронулась с места. Поборола страх и повернулась назад, всматриваясь в сторону гостиницы, но ничего не было видно. Вздохнув, я закрыла глаза.

– Эй, подруга, ты как? – поинтересовалась брюнетка, внимательно всматриваясь в дорогу, а уже через секунду нажимала кнопки на панели, недовольно бурча: – Черт, кондиционер же выключить надо, а то дитё заморожу.

– Но... нормально, – запинаясь, выдала ответ на первый вопрос, надеясь, что не свалюсь тут в обморок.

– Ох, это хорошо. Но ты сумасшедшая. Знаешь об этом?! Если нет, то я тебе еще сто раз повторю. С ребенком... бросилась под колеса. Это трындец. Я же летела на такой скорости! – девушка вздохнула и поинтересовалась: – Слушай, а кто за тобой гонится? Муж?

Не желая объяснять, только кивнула и прижала к груди кроху, радуясь, что все обошлось. Даже не могла поверить, что мы с Аленой сидим в автомобиле, а не там...

Неужели я сбежала от Ферзя?

Да... Сбежала! Невероятно!

Когда успокоилась, появилась мысль, что я рано радуюсь, но постаралась заглушить ее, лихорадочно соображая, куда теперь податься.

Глава 2

Прошло три дня, как я сбежала. Девушка довезла нас до автовокзала, завела в кафе, напоила чаем, пытаясь выведать, что случилось, но я не рассказала. Зачем? Неизвестно, чем все закончится, поэтому промолчала. Через час Марина, так она представилась, отправилась дальше, вручив мне бумажку с ее номером телефона. Еще дала денег, пожелав удачи. Не хотела брать, но она не слушала, просто запихнула в сумку.

Сегодня была уже четвертая ночь, и я успокоилась, надеясь, что запутала следы. Невероятно, но большую часть времени мы провели в дороге. И лишь три часа назад я сняла номер, который мне был не по карману, если учитывать постоянные разъезды, но, к сожалению, экономных вариантов не было. У меня осталась квартира и еще несколько счетов в банках, но нужно было мое личное присутствие, чтобы написать заявление на снятие денег и продажу, чего же я, конечно, сделать не могла. Но все же не паниковала, надеясь, что можно что-нибудь придумать.

Посмотрела на свою малышку, довольную и сытую, и ласково сжала ее крохотные пальчики. Ради нее готова была терпеть все адские мучения, хоть и приходилось тяжело. Я слабая, но не всем же быть сильными и смелыми. Ничего – справлюсь. Главное, чтобы нас не нашли. Вздрогнула, вспоминая о Ферзе. Нужно спрятаться в глуши, где не спрашива-

ют документы. С этим всегда настоящая проблема. Я купила фальшивки на свой страх и риск, а настоящие документы лежали в ячейке. Рисковала, но мамочку с ребенком редко когда останавливали, если только внешний вид не вызывал подозрение.

Номер-люкс был невероятно роскошным. Такое ощущение, что в сказку попала. Шикарная спальня с огромной кроватью, телевизором на стене, стеклянным шкафом-купе. В гостиной красовались два маленьких кожаных диванчика белого цвета, и барная стойка с напитками. Дальше туалет и ванная комната со всеми удобствами.

Поднялась с кровати, где лежала Алена, обложенная со всех сторон подушками. В последнее время она стала беспокойно спать, что настораживало. Уверена, что это у нее от стресса. Бедный ребенок. И все из-за меня...

Вздохнула, пытаясь вновь себя не гнобить, чтобы пытаться дальше бороться. Если заикливаюсь, начинается депрессия.

Натянув мягкий белоснежный халат, как можно тише вышла из спальни и направилась в ванную комнату, двигаясь через небольшую гостиную. Резкий прохладный ветер убрал улыбку с лица, и, сглотнув, посмотрела на открытое окно.

Странно, вроде все было закрыто. Или его просто прикрыли, а я не заметила?

Быстро приблизилась к нему и, распахнув створку, убедилась, что опять накрутила себя. Это лишь мои страхи. Никто

через окно пролезть не смог бы, потому что балкон далеко и мы на пятом этаже.

Успокоилась. Закрыла окно и на всякий случай проверила входную дверь, чтобы уж окончательно откинуть нелепые предположения.

Через несколько минут стояла в просторной душевой кабине. Включила воду и просто наслаждалась прохладой, подставив лицо каплям. Невероятное ощущение.

Используя освежающий гель с ароматом персика, с сожалением подумала о ванне. Было бы замечательно понежиться в пене, мурлыкая про себя песенку. Улыбнулась, мгновенно закрывая глаза, вспоминая о сладких ощущениях, как тут же распахнула ресницы, почувствовав сильные руки на своей талии. Только хотела закричать, как моментально оказалась прижата к стене, упираясь ладонками в мускулистую грудь обнаженного мужчины.

В ужасе завертела головой, отмечая, с какой жадой смотрит на меня мужчина, и выдохнула:

– Ферзь...

Мучитель сжал правой рукой мою шею, а левой повел до затылка и, зажав волосы в кулак, выдохнул в лицо:

– Продолжим с того, на чем остановились...

В ужасе попыталась оттолкнуть его, но Ферзь с диким оскалом на суровом лице даже не заметил моих слабых попыток. Он лениво ухмыльнулся и в следующее мгновение поднял за бедра, медленно опуская на эрегированный член,

отчего не могла дышать, чувствуя боль, пока он полностью не вошел, насадив на себя.

Была прижата к стене без возможности сдвинуться. Его рука обжигала талию, а вторая зарылась в волосы. Он прижался лицом, захватывая губами кожу подбородка, и с рычанием выдал:

– Бесполезно убегать, котенок. Я всегда тебя найду.

Только хотела ответить, как почувствовала мощный рывок, на что вырвался непроизвольный всхлип. Мужчина начал яростно двигаться, опуская и поднимая меня, а я сходила с ума, чувствуя, как тело пронизывает тысяча иголок и появляется тяжесть внизу живота. Вцепилась в его плечи и разодрала до крови, желая причинить боль своему мучителю.

– Дикий котенок, – прорычал хищник и атаковал губы, кусая, лаская, врываясь языком, вытворяя безумие, потому что я потерялась, уже совсем не ощущая боли, только сладкую агонию, требующую выхода.

Мужчина буквально сорвался с цепи, с каждым движением погружаясь глубже, сильнее, неистовей, а я принимала, полностью отдавшись ощущениям, с ужасом понимая, что мне нравится это сумасшествие, и не могу сопротивляться.

Когда стала задыхаться от бешеного ритма, накалившего до предела, пришло спасительное освобождение. Меня окатило охлаждающей, расслабляющей волной, и я застонала, не в состоянии контролировать свое тело, испытывая сумасшедший восторг. Продолжала цепляться, сотрясаясь от

ошеломительного оргазма, чувствуя горячее семя, наполняющее меня.

Не могла прийти в себя, хоть и понимала, что занимаюсь сексом со зверем. Открыв глаза, встретила с голодным взглядом мужчины, и стало страшно. Он медленно отпустил и сжал плечи, желая продолжить, прижимая к еще возбужденному телу, но тут я не выдержала и разревелась, не представляя, как могла получить удовольствие с ним.

Мужчина недовольно скривился, а потом дернул на себя и рявкнул:

– Перестань.

– Отпусти нас, – гневно выдохнула, цепляясь за мускулистые руки, но, отмечая пустоту в его взгляде, поняла, что этого не произойдет.

Ферзь медленно поднял мой подбородок и ледяным тоном произнес:

– Даю пять минут, чтобы привела себя в порядок, либо так и поедешь.

Попыталась оттолкнуть его, не желая, чтобы это чудовище трогало меня, но мужчина даже сдвинуться не дал. Он ухватил ладонями лицо, заставляя смотреть ему в глаза, и громко отчеканил:

– Секс ничего не значит. А задания я всегда выполняю, как и обещания.

Испуганно всматривалась в его черные зрачки, удивляющие своей свирепостью и мраком, и в отчаянии воскликнула:

– Меня убьют или опять отправят в психушку, а дочь он отдаст ей... своей жене... с которой они...

Мужчина встряхнул меня за плечи, уничтожая злобным взглядом, очевидно, злясь, что я вновь сказала то, что ему неинтересно, а потом оттолкнул и выдал:

– Собирайся, скоро появятся гости.

Стало не по себе. Застыла от страха, прекрасно понимая, что это за гости. Чувствуя подкатывающую тошноту, закрыла глаза и отвернулась, лихорадочно осознавая, что это конец. Не двигалась, чувствуя прожигающий взгляд мужчины, и смогла нормально дышать только тогда, когда он вышел из душевой кабины.

Хотелось завывать от отчаяния, но времени не было. Смыв с себя его семя, даже не желая думать, почему он не додумался воспользоваться презервативом. Сейчас мне было все равно. А скоро... мне вообще ничего не будет нужно.

Через десять минут я вышла из ванной и сразу направилась в спальню, натягивая джинсы и рубашку из мягкого материала. Сложила свои вещи в сумку и, постояв несколько секунд рядом со спящей дочерью, нежно взяла ее на руки и пошла в гостиную, где за стойкой на высоком стуле сидел Ферзь. На черной столешнице лежали ключи, смартфон и пистолет с длинным стволом. Глушитель? Не знала, никогда раньше не интересовалась, и сейчас не имела желания. Эта штука наводила ужас до дрожи в коленях, превращая мое тело в желе.

Ну, конечно, куда без любимой игрушки? Никуда. Жить ему будет неинтересно...

Мужчина держал в руках бокал с янтарной жидкостью и просто смотрел в одну точку, о чем-то размышляя.

Прижала дочь сильнее, надеясь, что не упаду. Сейчас Ферзь выглядел очень агрессивно. Влажные волосы, зачесанные назад, щетина, звериный недовольный взгляд – мужчина пугал одним своим видом.

Я застыла посреди комнаты, не зная, куда податься и что делать, но, заметив, как дочь открыла глаза, сонно улыбнувшись, переключила внимание на нее, ласково выдыхая:

– Спи, малышка. Спи, зайка.

Она несколько раз поморгала и вновь уснула, а я напряглась, опасаясь поднять голову, чувствуя недовольный взгляд наемника.

– Сядь на диван, – грубо приказал мужчина и резким движением поднес стакан ко рту, делая глоток.

Медленно побрела к окну и села на кожаный диван. Все внутренности сжимало от волнения. Появилась мысль договориться, но куда уж там. Как бы ни убил сам, чтобы день не прошел зря.

Странная горечь вновь подступила к горлу. У него, наверное, есть пункт – поиметь жертву. Вроде как на удачу.

Не хотела вспоминать и думать, жадно обнимала свою девочку, опасаясь даже думать, что случится потом.

Не знаю, сколько времени прошло, но когда услышала

приближающиеся шаги, вздрогнула и сильнее прижала Алену к груди, боязливо посматривая на входную дверь.

Через секунду в гостиную вошли двое мужчин в черных костюмах. Как в фильмах, только очков не хватало. Первый необъятного размера с длинными, черными волосами, завязанными в хвост, а второй лысый, жилистый с мощной фигурой и с татуировкой на лице, держащий в руке небольшой чемодан стального цвета. Заметив нас, они устремились к дивану, и я быстро поднялась, как вдруг замерла, слыша яростный голос Ферзя:

– Сядь.

Сглотнула и бросила взгляд в сторону, всматриваясь в суровые черты хищника, со скучающим видом рассматривающего гостей. Он скривился, словно все ему изрядно надоели, и грубо выдал:

– Не стоит спешить, я их еще не отдал...

Высокий мужчина с татуировкой посмотрел на здоровяка и кивнул. Тот перехватил у него чемодан и быстрыми шагами направился к Ферзю, положив «подарок» на стойку и быстро раскрыв.

С той стороны, где я сидела, не было видно, что там, но я наблюдала за эмоциями на лице мужчины, отмечая, как он лениво рассматривал содержимое. Ферзь поводил рукой, а потом... вытащил револьвер из чемодана и, передернув затвор, направил на мужчину, хищно оскалившись.

Наступила тишина. Я такого совершенно не ожидала и,

естественно, не могла предположить, что будет дальше.

– Ты... – начал грузный мужчина, отступая на шаг, вытягивая руку вперед.

– Мать ребенка довести в целости и сохранности, – лениво протянул наемник, прищуриваясь, будто прицениваясь к оружию.

– Но... – пробубнил здоровяк, поглядывая на товарища, с кем пришел, но тот молчал, о чем-то усиленно думая.

Ферзь усмехнулся, будто другого и не ожидал услышать, и гневно скривившись, сухо заявил:

– Пусть поговорит с заказчиком... или...

– Эээ – начал мужчина и вновь с надеждой посмотрел на мужчину с татуировкой. Тот нехотя кивнул, стараясь держаться спокойно, на что здоровяк начал трясти головой и поспешно выдал:

– Хорошо, доставим ее. Это точно.

На лице Ферзя появилось странное хищное выражение, смешанное с предвкушением. Он развел руки в стороны, намекая, что всем пора убраться отсюда, и положил пистолет в чемодан.

А дальше меня словно оглушило. Если все, то тогда...

Я не могла встать и пошевелиться, лишь дрожала как осинный лист, жадно всматриваясь в нежное лицо своего ребенка. Была уверена, что все – я вижу Алену в последний раз.

Очнулась, когда почувствовала тяжелую ладонь охранника Высокова на своем плече и услышала грозное рычание

Ферзя:

– Она сама идти может.

Здоровяк резко отскочил от меня, а я непонимающе устремила взор на хищника, который с недовольством наблюдал за мной. Заметив мое смятение, он расправил плечи, выпячивая мощную грудь, и грубо приказал мне:

– Ну!

Пересилив панику, я как в тумане поднялась и пошла вперед за мужчиной, стараясь успокоить тяжелое дыхание. Я чувствовала, как моя спина горит под пристальным вниманием черных глаз, но не хотела оборачиваться. Все мои мысли были лишь о том, долго ли будут со мной возиться?

Но ведь они обещали Ферзю не трогать меня – появилась наивная надежда. Горько усмехнулась, стараясь не верить в сказки. Их и так уже достаточно было в моей жизни. В груди появилось страшное предположение, что об обещании забудут, как только сядем в машину.

Да и какая разница?

Но...

Мысль, что я смогла убежать от Ферзя, дала надежду, что и здесь нужно попытаться. Только бы была возможность.

В машине было накурено, и стоял неприятный запах потных носков. Задержала дыхание, сглотнула и постаралась не думать об этом. За последние дни я к чему только не привыкла, но все же тяжело воспринимала неприятные запахи, не представляя, как люди не чувствуют их на себе. С детства

не могла спокойно реагировать, а вот творческий беспорядок мне нравился, даже комфортно было.

Неосознанно повернула голову и посмотрела на пятый этаж, но свет в номере-люксе, в котором мы даже не отдохнули, не горел. Ферзь ушел. Взял награду и поставил большую точку в этом деле.

Что же... удачи ему.

Вздохнула и напряглась, как только мужчины сели впереди. Стоило выехать за огороженную территорию гостиницы, как водитель раздраженно воскликнул:

– И что?

– Рули, – грубо процедил бритоголовый, поглядывая по сторонам. Чувствовала, что он зол, но пытался выглядеть спокойным и безразличным.

– Как выпутываться? Ты же слышал, что он сказал. А Высоков приказал ее убрать. И я обещал... – с паникой в голосе пробубнил здоровяк, сжимая руль с такой силой, что, казалось, кожа лопнет.

– Рули и помалкивай! – с ненавистью рывкнул мужчина с татуировкой на лице, тут же поворачиваясь ко мне и выдыхая: – Чтобы ни звука. Поняла? Услышу – сразу грохну.

Поспешно кивнула. Я бы вообще могла исчезнуть с их глаз, чтобы никого не беспокоить, но сейчас было опасно пытаться это сделать. А слышать такие угрозы было страшно, тем более ждала худшего.

Казалось, что путь длился вечно. В салоне было прохлад-

но из-за работающего кондиционера. Тихо сняла свою теплую кофту и укрыла дочь.

Как бы там ни было, не могла уснуть, несмотря на то, что стояла гробовая тишина и за стеклом была ночь. Разные мысли беспокоили меня, не давая покоя. Я старалась не думать о жестоком Ферзе, полностью переключившись на воспоминания о тете, как жили с ней, а потом и родителей вспомнила.

Стало обидно. Они за все время моего отсутствия даже не подали в розыск, не попытались забрать из психушки. Да и зачем? Наверное, сестре уже сделали операцию... а это для них главное. Как ни странно, всегда была в тени Лилии, будто вовсе и не родная дочь, а приемная. За столом, да и не только, всегда обсуждались успехи, проблемы, мероприятия практичной и умной сестры, а я была как изгой мира. Мама даже не слушала меня, вечно махала рукой, приговаривая: «Ой, Маша, ты, как всегда, летаешь в облаках и ходишь в розовых очках». Отец, постоянно затюканный недовольством жены, старался допоздна пропадать на работе, поэтому приходил ночью, ужинал и сразу отправлялся в зал, где они с матерью спали. Мы с Лилей делили единственную спальню на двоих, а когда в десятом классе любимая дочка привела парня, мама намекнула, чтобы я попросилась жить к тете, так как у сестры новая взрослая жизнь с достойным молодым человеком, работающим на хорошей должности.

Было стыдно, но все же поехала к родственнице, о чем ни

разу не пожалела. Тетя у меня была невероятной души человек. Самая добрая и немного резкая, потому что честная. Я боготворила ее, а она любила меня. Родители и не вспоминали обо мне, только иногда, когда хотели похвастаться успехами Лилии и ее будущего мужа. А я для них всегда была на ранг ниже, поэтому и не рассказывала ничего, зная, что даже не заметят, если что-то будет не так. В душе всегда мечтала, что мама изменит свое отношение ко мне, но стало только хуже, когда заболела Лиля. Если быть честной, то до сих пор не знала, какой у нее диагноз. Мать постоянно звонила и обвиняла меня в том, что я здоровая, а их умная дочь, если не найти денег, станет инвалидом. Как-то так. А сама сестра относилась ко мне с презрением, как, впрочем, и ко всем, кто не имел математического склада ума, золотой медали и красного диплома.

Мысли потерялись, и даже не поняла, как уснула, проснувшись от резких выражений двух мужчин, обсуждающих звонок к Высокову. Мгновенно проснулась, но продолжала лежать с закрытыми глазами, не желая, чтобы они знали, что я подслушиваю.

Съежилась, когда раздался голос мужчины на переднем сидении.

– Доброго времени суток, Владимир Андреевич. Звоню уточнить... – возникла неприятная пауза – мужчина слушал Высокова, а меня затрясло от пронизывающего холода. – Конечно. Понял.

Дальше удушашее молчание. Почувствовала, как мужчина обернулся ко мне, постаралась дышать равномерно. Отметим, что я сплю, потому что лежала с закрытыми глазами, бритоголовый сел нормально. Ожидала того момента, когда меня начнут обсуждать, и дождалась:

– Владимир, тут такое дело... Ферзь попросил... – на этом слове мужчина запнулся, – привезти Марию к вам для беседы.

От напряжения забыла, как дышать. Слышала монотонный голос мужчины, которого когда-то очень любила, и дрожала от страха. Он резко выдавал слова, но что конкретно, не могла понять.

– Да, я помню. Но, понимаете, он дал понять, что будет недоволен, если она...

Охранник недоговорил – Высоков перебил его и начал громко кричать, потому что голос в трубке стал грубее и в несколько раз сильнее. Подсознательно я надеялась, что Владимир пожалеет меня и откажется убивать, ведь мы... не чужие люди, у нас есть маленькая дочь. Я так молилась, что он одумается...

Стало не по себе. Да и было глупо грезить об этом. Если бы Высоков был человеком хоть на каплю, то не поступил так с нами. Даже не представляю, как еще он может поступить со мной. И что я сделала такого, чтобы он так безжалостно ко мне отнесся? Доверилась и влюбилась в добрые слова? А он... втерся в доверие, использовал, как инкубатор, а потом,

когда Алена подросла... сдал в психушку. Жестоко и подло. Разве так поступают настоящие мужчины? И он еще твердил о достоинстве и уважении...

Невероятно, если бы я сама не позвонила ему тогда на работу и не узнала, что у него есть любимая жена, то так бы и не понимала, что произошло. Мне ведь тогда... когда Высоков привел врачей, слова не позволили сказать. Я только помнила крики, обвинения в краже его дочери, а потом пустота... и очнулась в палате.

– Да, конечно, вы нам за это платите. Не волнуйтесь, все будет так, как вы приказали. Извините за беспокойство, – пробубнил мужчина и отключился. Он бросил телефон на панель и, повернувшись к здоровяку, грубо отчеканил: – Нужно убрать ее.

Вздрогнула, стараясь удержать всхлип. Затрясло от мысли, что еще немного и все...

– Да ты гонишь?! Этот псих сказал, чтобы... – он подавился слюнями, прокашлялся и с возмущением воскликнул: – Да он на меня дуло наставил. Ему в радость замочить. Это же Ферзь, которого нанимают за большие бабки, и чтобы никто не знал. А если он рядом, следит за нами?

– Да ты брось. Зачем? За ней? – брезгливо сказал мужчина с татуировкой на лице. Скривился, намекая, что в такое верят лишь полные идиоты. – Кому она нужна? Просто этот маньяк любит строить из себя непонятно кого. Не кипишуй. Нужно в лес ее, и все дела...

– Нет, тогда ты сам, – убежденно отказался водитель, категорически не желая убивать женщину. Он резко посмотрел на коллегу и с недовольством выдал: – А если не просто так он сказал, доставить ее? Если проверяет? Он же не убрал волюну, пока я не согласился. Ждал моих слов. Ты же там был. Вдруг он трахал ее и решил...

– Ты не гони! Если бы важна была, тогда не отдал.

– Я не буду. Не так.

– А как? Да никому она не сдалась, тем более Ферзю, так что успокойся!

Мужчины перестали говорить, каждый думал о своем. Я же не могла дышать, еле сдерживая слезы, понимая, что в любом случае не довезут. А если... сбежать... Но я не могу оставить дочь. Без нее сойду с ума...

– Через полчаса заедем на территорию города. Повернешь на автовокзал. Там ее в туалете порежешь. Никто не догадается, а для Высокова – мы избавились от нее в пути, для Ферзя – она сбежала. Это так... для подстраховки. Уверен, что он уже забыл о том, что говорил нам.

Брюнет посмотрел в окно и выдал:

– Ладно. Согласен. Уверен – в восемь утра это можно сделать по-тихому.

– Еще бы, – вдруг загоготал мужчина на переднем сидении. – Уж мы-то знаем.

Глава 3

Чем подъезжали ближе к городу, тем сильнее меня трясло. Я была похожа на труп, и не представляла, как можно выкарабкаться из этого ада. Хоть открывай дверь и выпрыгивай, надеясь на чудо.

Оказывается, самое поганое чувство, это когда находишься в безвыходном положении и знаешь, что еще немного и больше тебя не станет. И в то же время не до конца осознаешь, отказываешься верить, до последнего надеешься на удачу. Я не могла принять, что вот так можно взять и убить. Я ведь живой человек. Как можно так безжалостно? Почему?

Когда дочка стала копошиться и открыла глаза, с любовью посмотрела на нее и прошептала:

– Привет, зайка.

– Мама, я хочу... – она посмотрела по сторонам и, обняв тонкими ручками за шею, тихо проговорила про туалет.

Вздыхнула и, набравшись смелости, громко спросила:

– Можно остановиться? Алена в туалет хочет.

– Потерпит, – нагло выдал бритоголовый, громко зевая, очевидно, не зная правил приличия. Он неимоверно вызывал отвращение.

– Маленьких нельзя заставить, если не сходить, то прямо здесь наделает.

Здоровяк мгновенно повернулся и, надув губы толстым

пельменем, вдруг предложил:

– Эй, Алена, а можешь немного потерпеть и я тебе куклу куплю?

Дочка нахмурилась, а потом с умоляющим взглядом посмотрела на меня.

– Мама, а можно дядя мне куклу купит? – пролепетала она, с надеждой всматриваясь в мои глаза.

– Конечно! – рявкнул бритоголовый, но моя девочка на его слова лишь сильнее прижалась к груди, ожидая моего решения. Я погладила по светлым волосам ладонью и подумала о том, что нужно заплести ее.

– Можно, если я рядом. Но у чужих нельзя ничего принимать.

– Я знаю, – со вздохом проговорила она и, улыбнувшись, подалась ко мне и поцеловала. С таким отчаянием сжала ее в своих объятьях и просто сидела, не обращая ни на что внимания, вдыхая самый нежный и родной запах.

Когда машина остановилась, меня всю передернуло. Я даже боялась дышать, а будущие назревающие события душили сознание с огромной силой.

– И как? – рявкнул здоровяк, поворачиваясь к напарнику.

– Пойдем, – гневно сообщил мужчина с татуировкой и вышел. Он открыл багажник и достал мои вещи, через секунду распахнув дверцу. Было страшно, желала остаться здесь, но лучше не раздражать, чтобы не навредили Алене.

– Выходите, – слышался приказ со стороны.

Я вышла и помогла спуститься своей девочке, оглядывая пустую парковку. Мужчина это заметил и резко дернул за волосы, опалая лицо зловонным запахом, цедя каждое слово:

– Задумаешь глупость, девчонку при тебе задушу. Поняла, сучка?

Алена прижалась к груди и спрятала лицо в рубашку, а я боялась пошевелиться, не желая отвечать или спорить.

– Все, идем, – буркнул здоровяк мне и тут же обратился к Алене: – Как справишься со своими делами, мы с тобой пойдем в магазин за куклой, а мама поговорит с дядей.

– Я не хочу, чтобы мама... – закапризничала дочка, обняв за шею маленькими ручками.

– Она тебе сюрприз сделает.

– Какой? – осторожно спросила дочка, но все промолчали, а я не желала обманывать.

Пока шли, с сожалением признала, что автовокзал почти пустой. Оказавшись в туалете, мужчина вошел первым, и, схватив в углу табличку с надписью «Уборка», повесил с той стороны. Меня в жар бросило, и я не могла идти, но сильный толчок в спину помог, отчего полетела прямо, чуть не падая, продолжая сжимать маленькое тело в своих руках.

– Ну, давай, и пойдем куклу покупать, – проговорил здоровяк и лениво облокотился на стену, закрывая дверь.

Поставила дочь на пол и отвела в кабинку. Руки дрожали, пока помогала снять джинсы. И когда Алена справилась, я натянула на нее одежду и обняла, не в силах отпустить ее от

себя.

– Мама, пойдем?

На глазах выступили слезы. Я ничего не могла сделать. Кивнула и, сжав ее крохотные пальчики, вывела из кабинки. Здоровяк недовольно смотрел на нас, а потом произнес:

– Ну что, пойдем куклу выбирать?

– Я с мамой... – начала Алена, но бритоголовый недовольно рявкнул:

– Мы с мамой поговорим, а вы пока выбирайте... И без слез, а то ничего не получишь.

– Я не хочу... без мамы, – обиженно пролепетала малышка, хватая меня за ногу. Хотелось подхватить на руки и убежать, но только напугала бы дочь.

– Тебя не спрашивают!

Дочка расплакалась, и я подхватила ее на руки, но в следующее мгновение ребенка начали вырывать из моих объятий. Сил не хватило, поэтому я полетела к стене, больно ударяясь о кафедру.

Громкий плач вернул в реальность, и я с волнением посмотрела на свою девочку. Она попыталась подбежать ко мне, но огромный мужчина подхватил на руки и понес, что-то ей успокаивающе выговаривая. Дочка не успокаивалась, и меня ее призывы сводили с ума.

Одна... без меня.

С ужасом смотрела на закрытую дверь, понимая, что мы остались одни.

Перевела взгляд на бритоголового и отметила презрительную ухмылку. Мужчина подался ко мне и процедил:

– Ну, что же... побегала, пора и честь знать.

Уперлась рукой в стену, медленно поднимаясь, пытаюсь уловить, что он для меня придумал. Ужасный человек. От него огромной волной шло презрение и ненависть. Глаза блестели от предвкушения смерти. Маньяк.

На мгновение стало жутко, как я могла в «такое» вляпаться, но уже ничего не изменишь.

– Пожалуйста, не нужно, – пролепетала с отчаянием, пусть и знала, что мои слова его позабавят.

Мужчина с удовольствием перевел взгляд на нож, появившийся в его ладони, и пошел на меня, обвиняюще выговаривая:

– Ты бы знала, как твоя беготня меня раздражала. Бежала она, сучка, по всем дырам, а мне приходилось искать. Но ничего, теперь добегалась.

Он вытянул руку и, хищно оскалившись, предвкушая свое справедливое возмездие, сделал шаг. Я в ужасе вскрикнула, не в силах отвести взор, но тут же раздался грохот открываемой двери, и мы одновременно повернулись, наблюдая совершенно спокойного Ферзя с пистолетом в руке. Он поднял пушку и нацелился бритоголовому в лоб, ледяным тоном процедил:

– Нож брось!

– Ферзь, – с ужасом выдохнул мужчина с татуировкой. По

его лицу было видно, что он не ожидал такого крутого поворота, и в особенности, что ему пожелают прострелить голову. Сглотнув, он только кивнул и выполнил приказ, чего я не ожидала, на секунду застопорившись, пока не услышала рычащий голос своего спасителя:

– Твоя дочь плачет одна в машине.

Будто током ударило, мгновенно заставив работать мозг и тело. Задыхнулась от ужаса и бросилась к двери, как тут же остановилась.

– У тебя пять минут, и я иду искать. Беги...

Резко обернулась, отмечая гордый профиль мужчины. Ферзь даже не смотрел на меня, но угрожал, что восприняла как удар ножом в горло. Всхлипнула и мгновенно бросилась из уборной, стараясь бежать на пределе своих возможностей, не зная, что ожидать... Быстро спускалась по лестнице, удивляясь, почему не упала, а потом рванула к парковке. Уже приближаясь, пригляделась, заметив здоровяка на пассажирском месте, но дочери не видела. Резво побежала и открыла дверь, с ужасом вскрикивая, отмечая, что мужчина пристегнут к креслу ремнем, а глаза... мертвые.

Потянулась рукой к нему, желая убедиться в своих подозрениях, но тут же отдернула ладонь, прижав к своей груди, тяжело дыша.

Трусиха...

– Мама, мама, – послышалось позади, и я с неверием и восторгом заглянула за кресло, наблюдая дочь, прячущуюся

за спинкой, уткнувшись в ткань. Рванула к ней и вытащила из машины, лихорадочно проверяя, все ли в порядке.

– Дядя сказал, что ты придешь, если я закрою глаза... – продолжала она.

Дядя... Ферзь.

Тут же вспомнила его слова: *«У тебя пять минут, и я иду искать. Беги...»*

Нужно бежать!

Удобно перехватила свою девочку и, не думая, бросилась в сторону остановки, как я поняла по скоплению людей у дороги, но, заметив боковым зрением, как отходит шлагбаум и выезжает автобус, поменяла направление, двинувшись влево, дергая рукой, надеясь, что меня заметят. На мое счастье, дверь открылась и, вбежав, выдохнула:

– Можно купить билеты?

Водитель, худощавый пожилой мужчина, кивнул в сторону салона, и устало выдал:

– Присаживайтесь.

Самые лучшие слова! Автобус тронулся, и я как раз подавалась вперед, почти падая на сиденье, где было два свободных места, усаживая дочку у окна. На секунду прикрыла глаза, пытаюсь понять, что все хорошо, а потом поспешила к водителю, тихо спросив:

– Какая станция конечная?

– А куда нужно? – заинтересованно спросил мужчина, тут же хмурясь на иномарку, пытающуюся обогнать автобус.

– Далеко... – ответила, чуть улыбаясь, надеясь, что мой ответ его полностью удовлетворит.

– Тогда до Казани.

Хотелось закричать от счастья, но не стала. Считала, что сейчас это замечательный вариант, а там уже мы что-нибудь придумаем. Протянула смятые купюры и благодарно прошептала:

– Спасибо, нам как раз туда и нужно.

Получив два билета, я вернулась и прижала свою девочку к груди, не в силах поверить, что мы вместе. Я жива и держу ее в своих руках. Невероятно!

Обнимала очень сильно, пока не услышала:

– Мама, а я кушать хочу.

Вспомнив, что в сумке спрятаны кексы, которые нам выдали к чаю, когда перед гостиницей зашли в кафе быстрого приготовления, я достала два маленьких прямоугольных лакомства и протянула ей. Дочка счастливо улыбнулась и взяла, с удовольствием разворачивая и кусая белыми зубками. Смотрела и любовалась, радуясь, что все хорошо.

Только волновал один вопрос: «Почему Ферзь помог нам?». И через время решила, что он возмутился тем, что охранники Высокова не сдержали обещания, которое дали ЕМУ.

И пять минут. Так ничтожно мало и в то же время невероятно много. Что это значит? А если бы не справилась? То он бы вновь отдал Высокову на растерзание?

Не хотела знать и думать о нем. Не сейчас.

Мы сбежали... и это главное. И теперь нужно хорошо спрятаться. Ото всех, и особенно от Ферзя.



Ферзь

Достал из пачки сигарету, наблюдая за автобусом, в котором скрылась Мария с дочерью. Подкурил и еле сдержал себя от желания скомкать это дерьмо, бросив на асфальт.

Был зол. И не потому, что два щенка решили наплевать на мои слова, или на Высокова, который уже был поперек горла, и меня подмывало отправиться к нему и выбить мозги, а из-за девчонки...

Вспомнил ее глаза, лицо, тело... и готов был послать все благие порывы и догнать, но не мог. Пусть бежит, живет, что угодно, мне плевать.

А с ней... меня всего выворачивало изнутри так, что похож был на бешеного зверя, зависимого от самки, защищающего свою собственность. А она мне чужая и абсолютно не нужна. Да и никто не нужен.

Женщина для траха, дикого и грубого... Больше от нее ничего не требуется.

Выдохнул дым и посмотрел в сторону, где стоял внедорожник Сутохина, который больше никогда не откроет свой рот. Договорился уже...

Нужно сваливать, пока охранники не оторвали задницы от стульев на вахте и не пошли проверять все ли в порядке.

Размашистыми шагами двинулся в сторону рынка, где оставил машину, чтобы не попала в камеры наблюдения. Приблизившись, отключил сигнализацию и, докурив, выкинул окурки.

В машине некоторое время с яростью смотрел на стену забегаловки быстрого приготовления. С силой сжал руль, не понимая, какого хрена заиклился на этой девчонке. Обыкновенная, мягкая, что особенно бесит в бабах, и еще с ребенком. От таких нужно держался подальше. Но, как всегда, наивные птенцы – это идеальная мишень для стервятников. И я взял заказ.

Когда увидел Машу в той лачуге, кровь свернулась в венах от желания взять ее. А когда она бросилась за дочерью, надеясь сбежать, завелся. Да так, что яйца заболели. И еще ее дикое сопротивление. Удивила. Такой напор, агрессия. И от кого? От домашнего котенка.

Не дал возможности схватить спящую дочь, дернул на себя и оттащил от постели, тут же получая ладонью по лицу. Она укусила за губу, и на миг отпустил ее, охреневав от дикости строптивницы, но через три секунды нагнал, заваливая на пол. Лотова начала вырываться, кусаться, дергаясь во все

стороны подо мной.

Усмехнулся. Это сейчас. А тогда... готов был ее придушить прямо там на полу от ярости, что не мог контролировать свое тело. Готов был взять силой, чтобы успокоить налитый член, причиняющий адскую боль. С силой сдавил тонкие руки, поднимая над головой, не разрешая двигаться, понимая, что контроль на волоске. Я сдерживал порыв вклиниться между стройных бедер и получить наслаждение.

И потом два дня с ней в пути. Сам себе был противен. Будто озабоченный пацан, желающий залезть девке в трусы. Каждое ее движение выбивало из груди горячий воздух. Я бы разорвал ее, если бы не спасался мыслями о том, как после выполнения заказа пойду в клуб и закажу двух способных минетчиц.

Эти голубые глаза, горящие ненавистью ко мне... Впервые было плевать на задание, но понимал, что это к хорошему не приведет. Вид ее упругой попки, колышущихся грудок под тонкой кофтой постоянно приводили мой член в состояние боевой готовности. Ежесекундно был на пределе, не представляя, что будет с ней, если сорвусь.

Я сдерживал себя, чего никогда не делал. И что выкашивало – из-за девки. Она бесила меня с каждым днем все больше и больше, но желал ее еще сильнее. Когда наивный котенок убегал, что я сам ей позволял сделать, не понимая себя, то всегда давал время и находил, предвкушая ее сопротивление.

Мне нужно было подмять ее под себя, услышать прерывистое дыхание, ощутить тонкие руки. Думал, трахну и потом прибью, чтобы успокоиться, но понимал – мне этого будет мало. А когда она решилась соблазнить...

Ударил по рулю, злясь, что так отвлекся, что допустил побег. Единственный раз, когда она смылась по-настоящему – тогда в гостинице. Мария ударила бутылкой и швырнула порошок в лицо. Сучка. И все потому, что похоть скрутила так, что был полностью поглощен манящей девчонкой.

Нашел ее, но, понимая, что нужно закончить дело, отправил сообщение Высокову, чтобы его щенки подъезжали к гостинице. Если бы нет...

Я знал, что через минуту, как увижу ее, девчонка будет подо мной, и эта мысль буквально сжигала изнутри. Я как обезумевший зверь выжидал, а потом...

Стоило вспомнить ее стоны, узкую щелочку, нежное тело – и в сознании все перекрывало. Она как болезнь, поэтому решил избавиться. Но когда взял, что-то чуждое стало рвать на куски от мысли, что этот ублюдок убьет ее. После отчаянного признания все пробил про нее и охреневшего любовника, и то, что узнал, привело в бешенство.

Высоков... Если встретимся с ним, то поговорим, а пока я выполнил дело, а его люди не справились. Бывает... когда не отвечаешь за свои слова.

Взял смартфон и вошел в программу, просматривая через спутник, в каком направлении сейчас они движутся. В мяг-

кую игрушку Алены спрятал датчик. Еще некоторое время недовольно таращился, пытаясь понять, зачем оно мне сдалось, а потом решил удалить все к чертям собачьим. Но палец завис в воздухе, и через секунду я вышел из программы.

Пусть спокойно живут, а огонь в крови потухнет, как только возьму себе выходной. Был уверен, что любая очень активная умелица, а лучше несколько, смогут успокоить мой член, и уже через минуту даже не вспомню о голубоглазой девочке, с такой страстью царапающей мои плечи.

Глава 4

Шесть месяцев спустя

Мария

Стояла у детской качели, наблюдая, как Алена с Вероникой строят башни из песка, сидя на корточках в большой песочнице. Уже час как играли дружно, а я с улыбкой наблюдаю за ними. Посмотрела на чистое небо и улыбнулась. Прохладный ветерок нежно ласкал локоны, раскидывая в разные стороны. Не верила, что теперь у нас все хорошо. Спокойно, душевно и так тепло от счастья. И все благодаря чудесному человеку, невероятной девушке, которую мы встретили на своем пути – Лисиной Ирине. Отзывчивой и до невозможности доброй.

Когда приехали в Москву, еще не знали, куда податься, а с деньгами было трудно. С банками появилась проблема, и мне необходимо было подъехать лично, чего я не могла сделать, поэтому оказалась без средств к существованию. Я не представляла, как буду выкручиваться и тут услышала голос Ирины. Она предложила переночевать у нее, услышав наш с дочерью разговор, а потом попросила остаться. Не знаю почему, но доверилась, пусть и было страшно, но, заметив в ее

глазах столько тепла и надежды, не смогла отказаться и не пожалела.

Мне было неудобно жить нахлебниками, но я не могла найти даже подработки, пока подруга не предложила рисовать картинки на заказ и даже нашла заказчиков, поэтому стала чувствовать себя уверенней и покупать вещи своей девочке и себе. Недорогие, но уже что-то. Ира же постоянно приходила с подарками, счастливо улыбаясь каждый раз, когда видела восторг в глазах Алены.

Я успокоилась, вошла в колею и стала жить обычной жизнью. Но в последнее время, во время прогулок с дочкой, мне становилось не по себе, и я вновь стала бояться выходить на улицу. Выжидала момента, чтобы на площадке играло много детей с родителями, или прохаживались с подругой, стараюсь держаться на виду у всех.

Услышав предупреждающий кашель, резко обернулась и посмотрела на отца Вероники, с которой играла моя Алена.

– Добрый вечер, Маша, – вежливо произнес высокий мужчина с густой копной черных волос, впервые обратившись ко мне по имени.

Я смутилась и, выдавив улыбку, ответила:

– Добрый вечер.

В это время Лариса Егоровна, теща мужчины, поспешно уходила в сторону своего дома. Как только джип Виктора заезжал на парковку, она поспешно убегала, забывая проститься. Она хоть и не любила зятя, но с внучкой сидела,

пока он был на работе. Женщина первое время держалась обособленно, как и я, а потом сама подошла с вопросом, и мы разговорились. Мне так не хватало общения, и я с интересом слушала каждое слово и с горечью принимала ее отчаянье и боль. Год назад у нее умерла единственная любимая дочь. Молодая и красивая, ей бы жить да жить, но судьба так распорядилась. В один момент жизнь внезапно оборвалась. Оторвался тромб... а случилось это в обед на улице, когда она гуляла с ребенком, и пока приехала скорая, женщина умерла на детской площадке. Очень неожиданно и страшно. Мужчина долгое время горевал, а вот недавно Лариса Егоровна поняла, что он встречается с женщинами, и очень расстроилась, гневаясь, что забыл про ее дочь.

– Девочки очень хорошо играют, – заметил он, жадно всматриваясь в мое лицо, отчего стало неудобно. Обычно Виктор здоровался и забирал дочь домой или отвозил в ресторан, а сегодня изменил своим традициям.

Я поспешно кивнула и отошла, но он словно не заметил и подошел еще ближе.

– Мария, а как вы смотрите, чтобы отправиться завтра в парк на карусели? Уверен, девочкам понравится. Я приглашаю, если позволите.

Такое интересное предложение, но меня что-то сдерживало от положительного ответа. Возможно, я считала, что мне нельзя сближаться с мужчинами, но он же хотел порадовать девочек. Или нет? Я боялась верить... именно мужчинам. До

такой степени обожглась, что опасалась всего. Конечно, это потом пройдет, но пока меня ищут, не стоило доверять никому.

Подняла взгляд и чуть не вскрикнула, когда Виктор оказался почти вплотную, отчего соприкоснулись телами. Он улыбнулся и, взяв за руку, произнес:

– Простите, я вас напугал. Не нужно было так близко подходить. Просто вы такая нежная и хрупкая, что вас хочется постоянно оберегать.

Застыла, пытаясь понять его слова. Я ему интересна? Отступила на шаг и взволнованно прошептала:

– Виктор, я...

– Может, я рано заговорил об этом, вы простите, но вот знаю вас уже полгода и мне хотелось бы, чтобы мы подружились... стали ближе.

Он вновь подошел вплотную, и я словно впервые посмотрела на него, наблюдая в темно-карих глазах надежду и потребность. Мужчина был красив. Высокий, стройный, хорошо развит физически. Темная кожа очень красиво сочеталась с белоснежными рубашками, которые он предпочитал ежедневно одевать на работу. На лице всегда доброжелательная улыбка и интерес. Виктор говорил, где работал, но я забыла. У меня так бывает, когда во время разговора задумывалась о своем. Неудобно, но ничего с собой не могла поделать.

– Виктор, – начала и тут же услышала писк сообщения.

Решила, что это Ира, ведь симка новая, и поспешно открыла сумку. Вытаскивая простенький телефон, быстро открыла сообщения. Кровь отлила от лица, когда увидела содержание текста.

«Квартира 53, этаж 5. Жди в гости, котенок».

Я пораженно всхлипнула и огляделась по сторонам, в полной уверенности, что это написал Ферзь. Больше никому. Он нашел меня.

«Но зачем?!»

Горячая ладонь легла на мою руку, и я услышала взволнованный голос:

– Мария, что-то случилось? Если нужна помощь, то я...

– Спа... спасибо, – пролепетала, заикаясь, чувствуя себя просто ужасно. И вырвав руку, очевидно, совсем грубо, раз мужчина скривился, вновь лихорадочно окинула взглядом территорию и прошептала: – Простите, мне... нам... нужно идти.

– Маша, вы побледнели, – удивленно отметил собеседник, не желая меня отпускать. Видела на его лице беспокойство, и стало неудобно от своего поведения. Редко когда ко мне относились с такой заботой и волнением, но меня уже начало трясти от страха.

– Нет, все хорошо. Наверное... Да... Извините, – пробормотала и поспешила к дочери, катавшейся на небольшой горке. Увидев меня, она побежала в мою сторону и закричала:

– Мамочка! Мамочка!

Подхватила ее на руки и прошептала:

– Алена, пойдем домой.

– А можно еще немного? Пожа-а-алуйста! Мы же только вышли.

– Нет, мы... мы... скоро уедем. Скажи Вероничке «пока» и пойдем.

Моя светловолосая красавица слезно посмотрела на меня, но больше ничего не сказала. Вздохнула и с грустью кинула взор на подругу.

– Пока, Вероника! Я буду очень скучать! – выдохнула она, махая рукой девочке.

Отмечая дерганья дочери, отпустила ее на землю и наблюдала, как она подходит к маленькой, темноволосой девочке и обнимает, а потом вернулась ко мне, взяв за руку.

Мы очень быстро шли, а, может, и бежали. Чувствуя маленькую ладошку в своей, мне было спокойнее, что Алена рядом, но вот в подъезд я боялась заходить. Дождавшись семейную пару у входной двери и только вместе с ними вошли внутрь. Нервно озиралась по сторонам, ожидая увидеть черные глаза сурового мужчины. Но на мое счастье, все было тихо и обыденно.

Поднявшись на нужный этаж, буквально заставила себя выйти из лифта. Шла со страхом в груди, мечтая поскорее оказаться внутри, чтобы закрыться на все замки. Маленькая дочка, чувствуя мое состояние, сильнее прижималась к бедру, поэтому пыталась внешне не показывать своего состоя-

ния, чтобы не напугать ее.

Даже не представляла, что буду делать теперь, но понимала, что нужно бежать. В груди появилось отчаяние, страх и возмущение. Я не понимала, что ему нужно?! Или Высоков снова нанял Ферзя?

Неважно кто и зачем. В любом случае – все плохо и тут важно как можно быстрее собираться, чтобы не потерять время.



Ферзь

Стоял у дерева и курил, наблюдая, как Мария ведет дочь к подъезду, оглядываясь по сторонам, надеясь сбежать после полученного от меня сообщения.

«Поздно, котенок. Сама виновата...»

Сплюнул горькую слюну и вновь втянул дым, медленно выпуская его, пока двигался к джипу Лодкина, который стоял в стороне у деревьев напротив окон его трехкомнатной квартиры. Проживал мужчина на втором этаже и поэтому позволял себе оставлять крутой внедорожник здесь, постоянно выглядывая, как только слышались громкие голоса или смех молодежи. Изучив поведение и привычки мужика, вы-

делил ему пять минут на то, чтобы среагировал, и оказался прав. Он забыл про дочь, оставив ее в песочнице, и шуровал ко мне, желая отогнать от дорогой игрушки.

«Отогнать... Пусть попытается. Посмотрим, как у него получится...»

Кинул бычок от сигареты на асфальт и раздавил ботинком.

– Э-э-эй ты! – слышалось со спины.

Перевел взгляд на недовольного мужика, и тот сразу же отступил, оглядываясь по сторонам. Нагло сделал шаг к его джипу и положил ладонь на бампер, с силой продавливая, слыша сиплое хрипение владельца сквозь зубы.

– Ты... – начал он и резко замолчал.

– Еще раз к ней подойдешь... и будешь пешком ходить в свою гребаную, строительную шарагу, – отмечая, как округлились глаза Лодкина, довольно ухмыльнулся и на всякий случай добавил: – А если и это не поможет, то тогда и ходить не придется – будешь мечтать об этом в инвалидном кресле.

– Ты что? Я же к ней...

Было плевать на его оправдания, заверения и тем более возмущения. Повел челюстью, внимательно посматривая на испуганного воздыхателя, досконально сканируя, а потом грубо уточнил:

– Понял или по-другому объяснить?

– Не-е-ет, я понял – к Марии не подхожу, – заверил он, лихорадочно посматривая на машину, желая загнать в гараж

и вроде как спрятать... от меня.

«Смешной...»

– Место 48 – я в курсе, – просветил этого умника, чтобы не надеялся на чудо, если не примет предупреждение к сведению.

Лодкин побледнел и потерял мысль, открывая и закрывая рот. Еле сдержал себя, чтобы не заехать ему по морде. Невежливо раздражал. Манеры, привычки, трусливая душонка – три дня за ним наблюдал, а десять минут назад невыносимо захотелось шею свернуть. Просто так... чтобы вид не загоразивал.

Воздыхатель начал дергаться на месте, глазами высматривая подмогу. Мужiku уже под сороковник, а вел себя как идиот. Постучал костяшками пальцев по лобовому стеклу и сразу услышал нужную интонацию.

– Не нужно. Я все понял и... пойду.

Последнее, как я понял, он спрашивал. Кивнул и лениво побрел в сторону деревьев, где стояли качели, но вдруг резко обернулся и выдал:

– Неправильное движение, ненужный звонок с твоей стороны и я...

Мужик закивал головой и быстро поспешил к машине, но тут же остановился, взъерошил волосы и закричал:

– Вероника!

Дальше не слушал, знал, что за тридцать минут соберет вещи и свалит на неделю на свою загородную, элитную дачу,

чтобы успокоиться. Вот и хорошо. Заодно подумает...

Посмотрел на окна квартиры, где временно жила Мария с дочерью, и задумчиво повел головой. Что же... отпустить ее так и не получилось. Значит, временно придется пообщаться. Ее нашли – девчонка так и не научилась прятаться.

Не понимал, какого хрена здесь делаю? Но когда получил сообщение от Туманова, что Лотову ищут в Москве и вышли на Лисину, уже через десять минут со спортивной сумкой выходил из дома.

Твою ж мать... она додумалась остаться в городе на виду у всех стервятников и еще постоянно звонила в банк, пытаюсь договориться, чтобы ей перечислили деньги на карту, не желая ехать к ним лично.

Наивная...

Везде засветилась.

Хотелось хорошенько встряхнуть, чтобы перестала так конкретно косячить и свалила куда-нибудь в богом забытую дыру, но нет, она приехала в столицу и умудрилась завести подружку, за которой следили парни Медведева. Когда пробил, долго удивлялся, желая утащить оттуда, но сдержался.

Застопорился, отмечая, как джип на всей скорости летит в сторону дальнего дома. Лодкин с дочерью направился в гараж, рассчитывая забрать с тайника детскую, нерабочую игрушку, которую, вероятно, он гордо называл пистолетом.

Ну-ну...

Заметив, как шевельнулась шторка, отступил в тень, зная,

что Лотова меня не увидит. Постоял еще некоторое время и пошел к машине, поглядывая на часы, зная, что ее подруга уже спешит домой.

Спрятаться они могли только в деревне, а именно у Лисиной Клавдии Егоровны, бабушки Ирины, или вновь кидаться по всем автобусам, пока не найдут временное пристанище.

Не хотел вмешиваться, не желал помогать, планируя все послать далеко и надолго. От вида в бездонных глазах ненависти меня выворачивало изнутри. А сейчас еще сильнее, чем тогда. Прошло полгода, но стоило вспомнить о ней и будто острый нож вонзился глубоко в тело. Ни женщины, ни работа, НИЧТО не могло удовлетворить. И это доводило до бешенства, появлялось дикое желание сорваться к ней и взять то, что хотел.

Но зачем?

Она НИКТО.

Но похоть рвала мозг так, что представлял собой безумного зверя.

Держал свои темные желания в себе, не желая ломать девчонку, но когда поступил звонок, словно сошел с ума, понимая, что теперь будет иначе. Она сама ко мне придет.

У нее есть только один-единственный путь – это помощь Медведева, но, как я понял, сам владелец охранного бизнеса с Лисиной на контакт не выходил, только давал указания своим людям. Пока не понимал кто помогал, да и было абсолютно плевать, но если не он, то Лотову сразу найдут и

тут главное – не упустить момент, и понять, что от нее хотят люди Коханова.

Еще немного и все станет ясно...

Прошел дальше и сел в джип, ожидая звонка. В салоне витал стойкий аромат морской свежести, шедший от мелового ароматизатора японского производителя Eikosha. Услышав грубую ругань и детский плач, резко повернул голову и увидел у ближайшего подъезда валяющегося мужика, а над ним кружили два пацана, с разницей в несколько лет. Они пытались поднять пьяного и слезно просили пойти домой. Хотел отвернуться и дальше заниматься своими делами, но ярость сдавила легкие. Уж слишком эта мерзость напомнила прошлое.

Достал сигарету из пачки и вышел, закрыв дверь, продолжая наблюдать.

Пацан десяти лет просил отца подняться, дергал за плечи, а тот ругался последними словами, откидывая ребенка. Темноволосый, худой мужчина почти захлебывался в луже и в своих отходах. Вид трясущегося второго пацана заставил смять сигарету и отшвырнуть в сторону.

Резко пошел вперед и, приблизившись к старшему, встал рядом, расставив ноги на ширине плеч. Дернув подбородком на тушу, спросил:

– И часто так?

Ребенок некоторое время стоял, думая о своем. Видел, что он на грани – достало так, что поперек горла стояло, но

пацан украдкой бросал взгляд на вздрагивающего младшего брата, и пытался сотворить чудо, прекрасно зная, что это бесполезно.

— Мамка умерла год назад, и мы остались одни. А отец... ему до сих пор плохо... — пробубнил он, и затолкал грязный палец в рот, сгрызая ноготь, даже не осознавая этого.

— А раньше как? — поинтересовался, взглядывая в небо, темнеющее с каждой минутой. Посмотрел на часы, прикидывая, когда ждать действий от Лотовой и Лисиной.

Раздался громкий, хриплый кашель. Мужчина, валяющийся на дорожке, рвано открывал рот, а когда стало легче, пробухтел:

— Твари. Суки... Да они... Ага... еще...

— Папка раньше другим был, — с обидой выдал пацан. — Любил нас и мамку. А теперь... нет, — последнее он сказал с раздражением, и я знал, что еще год в таком дерьме, он будет таким же... как и я. А если начнут кидать по детским домам, то...

Задумчиво окинул одного и второго, и, не замечая следов от побоев, усмехнулся. Не так все херово... как могло быть.

— Хочешь, чтобы не пил? — задал важный вопрос, предлагая ему выбор, которого у меня не было, потому что всем было плевать на голодного, грязного пацана с разбитой губой, синего от постоянных побоев. Только слова, бумажная волокита, а на самом деле... никому ничего не нужно.

Парень с изумлением уставился на меня. Он сглотнул, по-

менял ногу, сжимая рукой ткань старой футболки на груди, и просипел:

– Хочу.

«Хочет...»

– Показывай квартиру, а я... помогу, – грубо сказал и сделал шаг к вонючей свинье, выдающей сопящие звуки. Ухватил за шиворот, безразлично сдавливая горло, отчего он начал барахтаться и издавать непонятные звуки, и потащил его внутрь дома, не реагируя на волнение и страх малого, вцепившегося в шорты старшего брата, державшего дверь.

Жили они на первом этаже, поэтому когда с грохотом швырнул мужика в ванную их замызганной однушки, он начал глотать воздух, пытаясь прийти в себя.

– Дядя... папе больно, – воскликнул малой, желая кинуться на меня.

Смотрел на него и видел Глеба. Он также пытался защитить монстра, что каждый день отравлял нам жизнь, превращая ее в невыносимый ад.

– Еще нет, – сухо констатировал ситуацию, а потом вновь перевел взгляд на мужика, пытающегося вылезти из чугунной ванны, и приказал: – Дверь закрой и не заходи. Понял?

– А вы...

– Ты понял, что я сказал?

– Да, закрыть и не заходить, – запинаясь, проговорил он, судорожно заламывая свои пальцы, переживая, что я убью его папашу-ублюдка. Пацаненок подошел к старшему брату,

с надеждой вглядываясь в глаза, но тот только подтолкнул его, выпроваживая в коридор.

На лице нет ни одной эмоции... он посмотрел в упор, а потом кивнул и закрыл дверь.

Внутри все стянуло... будто в прошлое вернулся. Я себя видел...

Выдохнул и сжал руки в кулаки.

Нечего стоять, время идет.

Повернулся и положил руку на смеситель, а в следующую секунду нажал на кран с холодной водой. Мужчина захрипел от возмущения, начал подниматься. Включил горячую воду и за шиворот подтащил к напору, тут же меняя на холодную.

– Ты-ы-ы... Му-у-у-ужи-и-и-ик... Ты что творишь? – хрипел он, закрывая лицо, барахтаясь, желая жить. Я крепко держал, переключая краны, не обращая внимания на его хрипы, крики, мольбы, слыша плач малого пацана, который стоял за дверью, но не заходил. А может... и старший не давал.

Путевым вырастет, если не упустить.

Следующие десять минут поливал пьянчугу только ледяной водой, а потом вытащил и швырнул на плитку, давая возможность оклематься. Когда посчитал, что мужик протрезвел, достал пистолет, присел на корточки и прижал дуло к виску.

Он замер, моментально приходя в себя, и прохрипел:

– Я... я...

– Ты... – протянул, с силой вдавливая дуло, чтобы ощутил в полной мере, что ему светит, – уже как десять минут назад бросил бухать. А если нет...

В следующую секунду со всей силы ударил его лицом в пол, отчего он взвыл, захлебываясь в собственной крови, а я продолжил:

– Узнаю, что хоть рюмку выпил, а пацаны твои воруют, чтобы жрать себе купить, вернусь и грохну. Понял?

– Да-а-а-а... – взвыл он, сплевывая кровь.

– И поверь, я свои обещания выполняю. Убить – для меня так же легко, как дышать.

Повисла тишина, а потом послышался всхлип, и мужчина задрожал, громко сотрясаясь от плача, закрывая лицо.

– Им нужен отец, а не падла, которая может только в глотку заливать, пока не сдохнет. А такие мрази, как ты... все никак не подышают.

– Я не буду... Не буду... – повторял он, пытаясь подняться.

– Смотри, я тебя предупредил.

Встал, с недовольством отмечая, что замочил брюки, и пошел к двери. На мгновение застопорился и, просканировав ничтожную клетку, отмечая грязные полотенца, пропитанные затхлостью, куски засохшей грязи от обуви, валяющейся рядом, гору посуды в раковине, процедил:

– И квартиру приведи в порядок. Не один живешь.

Он судорожно кивнул, а мне больше ничего не нужно бы-

ло. Я вышел и устремил взор на пацана с гневными глазами, волнующегося за отца, которого держал старший брат. Закрыл дверь, и сделав шаг к выходу, остановился и спросил у старшего:

– Как зовут? – вдруг спросил.

– Тимофей, – уверенно выдал он, и, посмотрев на маленького брата, добавил: – А это Вовка.

Достал из кармана несколько купюр и положил на тумбочку.

– На продукты, пока батя не оклемается. Справишься? – спросил резко, чтобы понял, что это не на сигареты и не помощь папаше, а на то, чтобы нормально ели, пока не станет так, как прежде. Пусть без матери, но жизнь продолжается.

Он кивнул, но отступил на шаг, закрывая брата.

– Правильно. Смотри за ним. Ты старший.

Глянув на часы, понял, что отвлекся на полчаса и быстрыми шагами пошел из квартиры, пропитанной алкоголем и блевотиной. Только вышел из дома, как послышался писк, входная дверь открылась, и я услышал голос:

– Дяденька!

Обернулся и увидел пацанят. Они смотрели на меня с волнением и благодарностью, отчего застыл, не ожидая и не нуждаясь.

– Спасибо... спасибо за батю. И... я буду всегда смотреть, – произнес Тимофей, обещая мне.

Смог только кивнуть, понимая, что так и будет. Послед-

ний раз заострил внимание на малом, со страхом взирающего на меня, и поспешил к машине.

Только взялся за ручку, как заметил стройную брюнетку в спортивном костюме с большой сумкой на плече, которая сразу бросилась в глаза.

Чувствуя, как тело моментально напряглось от возбуждения, усмехнулся, оценив прикид девчонки. Что же... неплохо.

Медленно обошел дом, наблюдая, как Мария шла в сторону остановки, и когда исчезла из поля зрения, направился к подъезду ее дома, желая проверить квартиру. На первом этаже никого не было, пока лифт не остановился. Из него вышла невысокая девушка с пепельными волосами и... дочерью Маши в джинсовом костюме и в кепке, под которую спрятали волосы.

– Лучше на том поднимайтесь. В этом лужа. За животными лень убирать хозяевам, – проговорила Лисина совершенно спокойно, отвлекая от девочки.

Хмуро наблюдал, как они выходят. Нажал кнопку вызова второго лифта, тут же загружая программу в смартфоне, чтобы знать, мягкая игрушка с чипом с ними или нет. Доехал до пятого этажа и уже через минуту вошел в квартиру, цедя про себя проклятия, что связи нет.

Стоило зайти в зал, программа выдала результат – объект на месте. Не взяли. Быстрыми шагами прошел в комнату и увидел медвежонка под покрывалом. Резким движением

вытащил игрушку и стал внимательно осматривать все в доме, пока не нашел небольшой блокнот под подушкой Марии. Взял в руки и начал листать листы с портретами. В основном были изображены Ирина, ее дочь, она сама и еще несколько женских лиц, а на последних... был изображен мужчина без лица. На первой он в старой лачуге на пороге дома, на второй в машине в профиль, третье – просто лицо в момент гнева. На последней художница полностью вывела черты, особенно тщательно губы и глаза, полные ярости.

На нем был изображен я, как впрочем, и на двух других листах... без лица.

Всматривался, а потом убрал блокнот в карман и пошел на выход, в полной уверенности, что все проверил.

Осталось немного...

Других вариантов у нее нет, а если будут, устранить несложно.

Что же... никто никого не заставляет. А я просто наблюдаю и жду.

Глава 5

Мария

Уже несколько дней жили у бабушки Ирины, Клавдии Егоровны. Добрая старая женщина очень хорошо отнеслась ко мне и к Алене. Я могла разговаривать с ней часами обо всем и самое главное – она ни о чем не спрашивала, лишь иногда с грустью смотрела, будто все знала. А я не могла говорить о том, что так сильно волновало кровь.

Мне было страшно и так жутко, что не могла спокойно спать и есть. Ночью ходила по двору, чтобы никого не пугать в доме, когда спали, или сидела на лавочке в старой беседке. Как же мне хотелось, чтобы этот крошечный ад закончился. Не могла я жить в постоянном кошмаре, вздрагивая от каждого шороха.

А больше всего пугал Ферзь. Боялась его с первого взгляда, когда увидела на пороге старой лачуги, которую нам сдали для жилья добрые старики. Постоянно хотела спрятаться, скрыться, убежать, чувствуя, как он давит своей удушающей мощнейшей энергией. И самое страшное – он вновь нас нашел.

Интересно, а теперь нас поручено доставить или уже

убить?

Странно, почему тогда... он помог? Нравится игра в «кошки-мышки»? Ему доставляет удовольствие мучить жертву перед тем как полакомиться?

Кстати о еде... Не могла ничего есть. Стоило немного запихнуть в себя, и тут же бежала к белому другу. Нет, я не была беременна. Половой акт был полгода назад и у меня ежемесячно шли месячные, но вот появилась проблема с пищеварением.

Ирина постоянно пыталась накормить меня, хотя она сама была не лучше. Худая и с печальными глазами.

– Знаешь, я бы хотела нарисовать Аленку. На этом стареньком покрывале, среди зеленых деревьев в солнечных лучах, такую нежную и счастливую, – прошептала, мечтая о том, чтобы заняться любимым делом. Конечно, большую часть времени мы помогали по хозяйству, пытались привести дом с садом в порядок и еще готовили. Но мне не хватало запаха краски и того непередаваемого наслаждения, когда брала кисть в руки.

Если быть честной, я не вспоминала об этом долгое время, а вот сегодня вдруг показалось, что все хорошо, мы спрятались, и поняла, что хочу рисовать.

Подруга улыбнулась и спокойно выдала:

– Идея классная, только в деревенских магазинах ничего подобного нет. Нужно съездить в район. Может, там будет.

В район? Нет! Я боялась, что нас найдут, и никуда не же-

лала выезжать или уходить, предпочитая оставаться за забором этого дома. Здесь чувствовала себя спокойно и волшеб-но.

– Да нет... не нужно, – поспешно заверила, чтобы Ирина не воспринимала мои слова всерьез. Уже жалела, что сказала об этом вслух. Поникла, чувствуя себя трусихой, и обреченно призналась: – Я боюсь...

– Надеюсь, все будет хорошо. И Маш, ты должна нормально есть. Это не дело. Ты посмотри на себя, худенькая как тростинка. Болезни пойдут.

– Я ем, но от нервов не могу... Надеюсь, что скоро все будет хорошо.

Подруга поправила декоративную подушку на плетеном кресле, очаровательно улыбнулась, но вдруг нахмурилась и сказала:

– Мне нужно завтра уезжать... Работа. Останешься жить с моей бабушкой?

– Клавдия Егоровна мне понравилась. Такая отзывчивая, – прошептала, удивляясь, как Ира и бабушка раньше не общались. Подруга призналась, что это из-за ее матери, родители с двух сторон были недовольны выбором детей, и мне было очень жаль. Как плохо, когда родные не общаются.

С горечью вспомнила о папе и маме. Я бы тоже хотела их увидеть, и сестру, но страх, что они сразу позвонят Высокову, чтобы как можно дороже первыми продать нужную информацию, как и меня с Аленой, останавливал.

К такому отношению я привыкла, но как можно так жестоко с внучкой? Неужели им все равно? Или потому что эта моя дочь? Но я ведь ничего плохого не сделала. Да, я не так умна, как сестра, не столь амбициозна и расчетлива, у меня куча страхов и творческая душа, но разве это столь ужасно? Чем я плоха, что меня постоянно отталкивают, отдавая в руки безжалостного монстра?

– Отлично. Тогда нужно еще продуктов купить, чтобы никуда вам не ходить и нормально будет.

– Да, не хотелось бы мозолить глаза местным и вызывать вопросы, – сдавленно пролепетала, надеясь, что совсем не придется выходить. Двор большой, в доме есть маленькая комнатка с печкой – больше ничего не нужно... пока.

Подруга кивнула и внезапно с восторгом произнесла:

– Предлагаю вечером налепить пельменей. Ты же любишь?

Счастливо кивнула, радуясь предложению. Я не просто любила – обожала их. У меня самой не получалось красиво лепить, да и готовить для меня проблема, но я старалась, чтобы накормить дочку домашней едой.

– Очень люблю. С удовольствием съем.

– Тогда отлично! Фарш пока еще размораживается. У нас есть несколько часов.

– Можно опять погулять, – радостно предложила, и, вспомнив про просьбу старой женщины, добавила: – Клавдия Егоровна просила подорожника нарвать.

– Тогда пойдем, – сказала она и взяла сладкий хворост из тарелки, довольно кусая.

Через пять минут мы уже вышли из двора и пошли гулять. Алена радовалась, бегая за бабочками, напевая песенки. Было невероятно здорово за ней наблюдать. Около двух часов мы собирали целебные травы на полях, разговаривая обо всем. Заглянули за грибами в соседний лес, но ничего не нашли кроме червивых и мухоморов. Стояла невероятная погода. Легкий свежий ветерок поторапливал в спину и обдавал прохладой. Мягкая трава манила, и хотелось снять обувь и пройти по ней босиком, ощущая шелковистые маленькие листочки. Я с удовольствием начала собирать цветы, вдыхая невероятный запах, желая поставить в вазу на столе в маленькой кухоньке. Солнце уже не так парило как раньше, поэтому можно было гулять и гулять, наслаждаясь деревенскими красотами.

Возвращались через большое поле. Рукой водила по зеленым колосьям, обещая себе, что обязательно напишу картину. Алена бежала впереди, весело кружась, а мы беседовали о фильме, который скоро должен был начаться.

Уже подходили к деревне, когда со стороны стелы выехали две черные машины, двигаясь в нашу сторону. Меня затрясло, понимая, что это за нами. Как же так?! Нашли... И после секундного шока, я закричала и рванула к Алене, хватая ее на руки, надеясь на чудо.

– В лес! Побежали в лес! – закричала Ирина, догоняя меня

и вырываясь вперед, показывая дорогу.

Дочь так сильно сжимала шею и плакала, закрывала видимость, что я спотыкалась, почти что падая на землю. И тут около меня оказалась подруга. Она выхватила Алену и побежала быстрее, крича мне:

– Маша, быстрее. Быстрее!

Я бежала за ними как могла, чувствуя, как сердце бешено стучит. Но когда забежали в лес, не удержалась, налетев на корягу, и полетела в кустарник. Со стоном поднялась и бросилась вперед, но в следующее мгновение сильные руки схватили за талию, прижимая к мужскому телу.

Громко закричала, сопротивляясь, царапаясь, но мужчина начал душить, ядовито выдыхая:

– Дикая сучка, если не успокоишься, пристрелю прямо здесь.

Его слова оглушили так, что не могла дышать. Он схватил за плечи и, вцепившись в шею железной ладонью, второй закрывая рот, громко процедил:

– Вперед давай!

Мы прошли немного, и тут я увидела небольшую поляну... А там Ирина. Она резко поднялась с земли и бросилась на огромного мужчину, схватившего Алену и идущего к нам. Лисина ударила его в бок, отчего он зарычал и рухнул на землю, а она схватила мою девочку и застыла на месте, понимая, что ее окружили.

Над своей головой услышала презрительный голос:

– Столько усилий и зачем? Я бы советовал поменьше подбирать бездомных и голодных, чтобы жить спокойнее, но насколько понял, тебе это в радость.

«*Это он про нас?*» – с горечью подумала, чувствуя, как у меня начинается истерика. Я не смогла ей сопротивляться. Внутри меня что-то взорвалось и я начала отчаянно сопротивляться, чему не рад был мужчина, готовый прибить на месте, но мне было все равно. Он до боли сжал шею, отчего слезы брызнули из глаз.

– Ну что же... – услышала я его голос, все равно пытаюсь отодвинуться, вырваться, чувствуя его руки на бедрах, ощущая подкатывающую горечь. А тем временем мучитель продолжал: – К тебе еще вернусь, крошка. Уж очень сладкая девочка. Но это потом, когда передашь своему бывшему любовнику, что его дочь у Коханова. Пусть выполняет условие и приезжает за девчонкой. Десять дней на все. Либо в лесу по частям будете ее искать и собирать.

Выдав последние слова, мужчина громко засмеялся, а потом рявкнул:

– Забирайте ребенка.

Как с ума сошла, стала с новой силой вырваться, вдруг застопорившись, когда Ира закричала, лихорадочно осматриваясь по сторонам, пытаюсь понять, куда ей бежать.

– Так, стоять. Это уже не так интересно, – вдруг произнес садист, что ломал мне руки, а потом достал пистолет и приставил к виску, гневно выплевывая: – Считаю до трех. Три

говорю и стреляю, а потом... пока ты будешь в шоке и тебе в лоб заряджу. Поняла?

– Не нужно, – закричала подруга. Она повернулась к плачущей малышке и начала ей шептать что-то на ухо.

– Один, два – начал считать мужчина, закрывая мне рот и с силой вдавливая в висок пистолет. Я вырывалась изо всех сил, но это было бесполезно. И тут увидела здоровяка, который подбирался к Лисиной сзади. Она его не видела, а в меня словно вселился демон. Начала лягаться и мужчина зарычал, с силой ударив в спину, тут же убирая пистолет и дергая за талию, но я не сдавалась, пока не увидела, как Ирина рухнула без сознания на землю.

Закричала, до крови кусая его пальцы, и тут почувствовала свободу. Я бросилась к подруге и упала рядом, проверяя пульс и с облегчением понимая, что она жива.

Не могла встать, слезы стояли в глазах, и не выдержав, взвыла, пугая дочь, которая мгновенно заплакала.

Меня потянули вверх за волосы, но мне уже было все равно.

– Будь хорошей девочкой и спасешь дочь. И чтобы доказать, что я не обманываю, я не трону Ирину. Очухается и со временем забудет про вас... А тебе еще нужно постараться. Поняла?

Я кивнула и протянула руки к дочери, но мужчина оттолкнул в сторону, отчего рухнула на землю, и с ехидством рявкнул:

– Давай к машине, там и поговорим.

Даже не представляла, как мы будем говорить и чем закончится разговор. Кое-как поднялась и медленно пошла вперед, постоянно поглядывая на дочь, громко всхлипывающую на руках громилы. Было ужасно. Сердце разрывалось на части от отчаяния и страха. И лишь когда села в салон, высокий блондин передал мне дочь, с усмешкой выговаривая:

– Что же... пока заслужила. А потом все зависит от тебя.

Обняла свою девочку, целуя в волосы, не представляя, что теперь будет. Видела по глазам блондина, что очень скоро у меня заберут Алену, и от бессилия почти задыхалась.



Ферзь

Находился в лесу, с яростью взирая по сторонам, злясь, что опоздал. Псы Коханова должны были завтра нагрянуть, но приехал Сировский, начальник охраны, и всех направил в деревню за Лотовой и ее дочерью. Да, и еще они не взяли мужика, напичканного моими жучками, о которых сам мужик не знал ни сном, ни духом. Уверен, посчитали доносчиком и... убрали.

Судьба такая... раз идиот.

Злился. Готов был все крушить. Только направился к машине, продумывая дальнейшие шаги, как вдруг послышалась тяжелая музыка. Достал смартфон и посмотрел на экран, сканируя номер. Неизвестный.

Нахмурился. Эта сим-карта личная, не для заказчиков.

Мелодия стихла.

Проанализировав всю историю звонков, вспомнил, что писал сообщение Лотовой. Быстро нажал на пропущенный номер и в следующую минуту услышал нежный голос, от которого тело пробивало молнией.

– Да...

– Говори... – с рычанием выдал, злясь, что так реагирую на Лотову. Какого хрена?!

Она молчала, и я насторожился, уже планируя включить программу определения абонента, но услышал:

– Лотова Мария. Я... звоню... – женщина замаялась, а потом с отчаянием выпалила: – Алену украли конкуренты Высокова и мне нужно вернуть ее. Пожалуйста. Я... заплачу. У меня есть деньги и квартира, которую могу продать. Все что угодно, только помоги...

Усмехнулся. Надо же... беглая девочка решила меня нанять. Нелепость. В другой ситуации даже не слушал бы, но от нее я ждал только одних слов, которые она добровольно произнесла: «Все что угодно».

От мысли, что я буду делать с ней через несколько часов, член налился кровью, причиняя боль. Проклятье. Надеюсь, я

перестану реагировать как пацан, после того как утолю свой голод.

Воображение нарисовало будущую картину, и острое желание буквально накрыло с головой, отчего на мгновение задохнулся.

Что же за дерьмо?

– Где ты? – задал вопрос, планируя поскорее ее забрать. Не думал, что Лотова сбежит или передумает, но настаораживало ее присутствие непонятно где. А ей... уже бесполезно бегать. За язык никто не тянул.

– Вы... – выдохнула она, и я скривился от ее слов. Забыла наше общение? Вроде как не о погоде говорили, когда к стене ее прижимал, толчками врываясь в нежное тело. Отбросил воспоминания, когда Маша замялась и исправилась, – ты... поможешь мне? Да?

– Адрес или опиши местность. Я найду тебя, и мы все решим.

Лотова начала перечислять, а я быстро направился к джипу, закрывая дверь, понимая, что она стоит на трассе. Отключившись, бросил смартфон на пассажирское сидение и завел машину, срываясь с места на огромной скорости.

Вены на висках вздувались, огненная кровь обжигала внутренности, сжимая мощной волной предвкушения. Я не ехал, а гнал как безумный. Когда заметил ее, сидящую на обочине, а рядом черную иномарку, из которой вышел молодой пацан с длинными волосами, завязанными в хвост, же-

лая помочь, озверел.

Резко дал по тормозам и остановился. С силой сжал руль, на секунду пытаюсь прийти в норму, чтобы не грохнуть этого сопляка, и вышел из машины, направляясь к Лотовой в пыльной, ободранной одежде. Она устало беседовала, а потом перевела взгляд на меня, цепenea, чувствуя мое бешеное состояние. Хотела что-то сказать, но слова застыли в горле, а вот парень повернулся и нагло выдал:

– Я позабочусь о девушке. Не беспокойтесь, – он тут же повернулся к ней, считая, что отвязался от меня, и ласково произнес: – Да, милая? Сейчас я...

Он даже не понял, как я оказался рядом с ним и заехал этому молокососу в морду, ломая нос. Почувствовал удовольствие, наблюдая за тем, как его откинуло в сторону.

Надо же... заботливый нашелся.

Пацан кое-как приподнялся, непонимающе посмотрел на меня и изумленно выдохнул:

– Сумасшедший...

– Еще слово... и ребра сломаю, – снисходительно рявкнул ему и направился к Марии, которая пыталась встать. Не дожидаясь, подхватил на руки, отмечая, что скоро кости одни останутся оттого, что ни черта не ест, и побрел к машине, чувствуя, как по венам пошел огонь от прикосновений ее ладоней к моей груди.

Она со страхом всматривалась в мои глаза, открыв ротик, а потом, будто понимая, что я на грани от желания швырнуть

ее в салон и ворваться в сладкое тело, покраснела и отвернулась.

– Я же не знал... – буркнул парень позади нас, поднимаясь, продолжая бубнить: – Так бы и сказал, что твоя телка. Зачем сразу бить?

Не слышал его. Плевать.

Пусть живет...

Открыл дверь джипа и усадил хрупкую женщину в салон. Задержав взор на ее разбитых губах, еле сдержался, чтобы не прикоснуться к телу, желая проверить на ушибы и повреждения. Сжал ладони в кулаки и обошел машину. Пока нес ее, увидел, что еще рука опухла. Готов был убить любого... Эмоции рвали сознание.

Быстро забил в интернете, где ближайшая больница, уточнил адрес в программе и поставил смартфон на панель. Сжал руки, приходя в бешенство, что еще нянчиться придется.

Как только тронулся, услышал тонкий голос:

– Мне сказали позвонить... Высокову и...

Я молчал и сжимал руль, злясь, что допустил такое с девочкой.

– Рукой можешь двигать? – грубо спросил и, отмечая в зеркале, как она вздрогнула, шарахаясь от меня, разозлился. Я ей еще ничего не сделал. Понимая, что ответа не дождусь, поторопил: – Ну!

– Не знаю... Наверное, могу... Просто больно. И нога... Но там железка была, и когда меня выкинули из машины....

Охренел. Резко развернулся и, наблюдая, как она задрожала и подалась к спинке, начиная отодвигаться, рывкнул:

– Кто тебя выкинул из машины?

– Я... не знаю, – воскликнула Лотова, резко отворачиваясь, но вдруг вновь посмотрела и воскликнула: – Да какая разница? Блондин. Он... сказал, чтобы позвонила, дал десять дней и выкинул из машины.

Гнида. Лично скину с крыши самого высокого здания... случайно.

– Ты мне поможешь? Поможешь спасти Алену? Пожалуйста.

Не хотел убеждать. Если я здесь, значит, взялся за дело и доведу до конца. Не ответил, но и она больше вопросов не задавала, прислонившись к кожаной спинке сидения, закрыв глаза. Постоянно смотрел на нее, пока машина мчалась по трассе, и злился, потому что меня выворачивало от мысли, что она переломала себе кости.

Уже заезжая в район, поворачивая в центр, где находилась районная больница, громко произнес:

– Подъезжаем. И теперь так: я говорю, ты соглашаешься и слушаешься. Если нет, тебе же хуже. Будет так, как я хочу. Два варианта, но итог один. Поняла?

Она кивнула и задумчиво уставилась в спинку переднего кресла, полностью игнорируя меня, не желая видеть, что я четко чувствовал. Не передать, как меня бесило ее безразличие и покорность, и сам не знал что больше. Я хотел видеть

ее настоящие эмоции, но девчонка была напугана и постоянно молчала. Так и подмывало остановиться и перетащить к себе на колени, чтобы увидеть ее глаза, полные гнева и... желания.

– У меня нет документов, – Лотова даже не смотрела на меня, когда говорила. Еще бы... кто я такой для этой принцессы? Так... грязный наемник.

Молча достал пачку денег из бардачка и положил в борсетку. Остановившись на парковке, представляющую собой обочину, обернулся и произнес:

– Я выйду, чтобы договориться, а ты спокойно сидишь и ждешь.

Отмечая кивок, заставил себя сдержаться от замечания, что убегать ей бесполезно, ведь везде найду. Не стоит повторяться. Вышел и направился в сторону приемника с обратной стороны здания. Документы были не нужны. Так пропустят, впрочем, как и обслужат. Маленький район, и хорошо заработать никто не откажется.

Через двадцать минут я вернулся за Лотовой. Пока не увидел ее, меня жрало ощущение, что она все же сбежала. Знал, что я ей нужен и никуда не денется, но подсознательно ожидал предательства. Когда открыл дверцу джипа и осторожно потянул, взяв на руки, она смущенно прошептала:

– Я сама могу.

– А у меня нет времени наблюдать, как ты бесполезно доказываешь себе и этому гребанному миру, какая сильная и

смелая.

Вероятно, сказал грубо, но больше вопросов и предложений не поступало. Я очень быстро отнес ее в кабинет главного врача – хирурга, который был на ночном дежурстве, и через десять минут она уже находилась в процедурном кабинете, пока ей обрабатывали раны и на руку накладывали повязку, обещая, что ушиб пройдет.

Десять чертовых минут стоял в коридоре, с недовольством поглядывая на дверь процедурной. Не понимал, почему так долго? Раздражало, но мысль, что девчонка нуждается в помощи, останавливала от желания ворваться туда и забрать ее. Поэтому я терпеливо охранял дверь, злясь на весь белый свет.

Услышал шаги и сложил руки на груди, расставив ноги. Высокий, крупный мужчина в белом халате вышел из кабинета и плотно прикрыл дверь. Но, заметив, как я скривился, с ненавистью поглядывая на ручку, чуть приоткрыл и успокаивающим тоном произнес:

– Вот и все. Я обработал ушибы и ссадины. И да... ваша жена... не знает вашего имени.

Усмехнулся. Еще бы... кто бы сомневался в том, что Мария заявит хирургу, что не знает, как меня зовут. С чего бы Лотова обманывала добрых людей? Они ведь не я... А как вилять задницей передо мной, напрашиваясь на секс, чтобы потом огреть бутылкой и сбежать, так она может.

Вспомнил, и стало тесно в джинсах. Проклятье. И теперь

стояк – это мое обычное состояние?!

Охренеть можно от такого счастья.

Понимая, что я не собираюсь отвечать на его вопрос, Рогов улыбнулся и доброжелательно заявил:

– Если вдруг что нужно, вы обращайтесь, а мне пора – пациенты ждут.

Кивнул и направился в процедурный, где у стола с бинтами и прочим стояла низкого роста молоденькая медсестра, общаясь с Марией, сидевшей на кушетке в нижнем белье. Она моментально попыталась прикрыться своей блузкой, непонимающе поглядывая на девушку, возмущаясь, что я зашел. Решила спрятаться? Медсестра только хотела открыть рот и отправить меня, как я, не глядя на нее, продолжая пожирать взглядом Лотову, выдал:

– Оставь нас на несколько минут. Рогов разрешил.

– Ммм... – девушка замялась, на секунду застыв, как статуя.

Моментально разозлился. Я что... непонятно сказал?!

Резко обернулся и посмотрел на медсестру, которая под моим взглядом съежилась, побледнела, но все же еле слышно пролепетала:

– Пойду пока, а вы одевайтесь. Дверь прикройте... пожалуйста... когда будете уходить.

Продолжал смотреть на нее, пока она не выбежала, словно за ней волки гнались, а мы остались одни. Маша огромными глазами смотрела на меня, будто птенец, замечая огромного

змея с открытой пастью. Она дрожащими руками вцепилась в блузку и выдавила из себя:

– Мне нужно... переодеться.

Ленивым движением отодвинул странную полку в сторону и приблизился к ней. Развел бедра в сторону и устроился между ее ног, дергая на себя, вдавливаясь сердцевинкой в пах.

– Ферзь... – выдохнула она, упирая свои кулачки в грудь.

Перехватив руку, отобрал чертову блузку и помог накинуть, не позволяя застегнуться.

– Мне не нужны твои деньги, квартира... Да и сомневаюсь, что у тебя хватило бы средств расплатиться со мной.

Она замерла, с ужасом уставившись на меня, забывая про сопротивление, чем воспользовался, накрыв левую грудь мо-
золистой ладонью. Стоило чуть сжать, и эмоции взорвали сознание.

Меня буквально снесло и стало плевать, что мы сейчас в больнице, где в любой момент могут зайти. Неважно. Видел только ее...

– Хочу тебя... так... – рукой сжал подбородок, притягивая к себе, – что готов взять без твоего согласия, но ты... будешь добровольно раздвигать ноги, потому что это единственное, чем ты можешь платить за спасение своей дочери. Сбежишь – найду... везде, в любой дыре этой планеты. Называй это как хочешь, но я тебя трахаю, где хочу, когда хочу и как хочу. Поняла?

– Ты... поможешь? – выдохнула она, и в следующую секунду Лотова судорожно всхлипнула, начиная дрожать, когда я пальцами стиснул чувствительный сосок. Смотрел в ее бездонные глаза и видел себя – безумного и безжалостного, но не желающего причинить ей боль, потому что сейчас совершенно не контролировал силу. А когда она вцепилась в мои плечи, переклинило и, выдав рык, накрыл сладкий ротик своими губами, жадно терзая, пытаясь пить, требуя от-
дать всю сладость только мне.

Штормило. Бросало в жар и откидывало в холод.

Эмоции на грани. Не видел ничего кроме девчонки, которая отвечала и отталкивала, чем еще больше заводила меня.

Очнулся... когда понял, что шаги, раздающиеся в коридоре, замедлились перед кабинетом. Резко застыл, отмечая, что стянул лифчик вниз, когда ненасытно шарил по телу, желая заклеить, поставить метку на все, что временно считал своим.

Мгновенно пришел в норму, узлом повязал блузку и быстро подхватил ее на руки, прижимая к груди. Лотова истерично всхлипнула, только сейчас сообразив, что полуголая мле-
ла от моих ласк, а потом начала застегивать верхние пугови-
цы, но у нее получалось это отвратительно.

– Оставь, – зарычал и размашистыми шагами двинулся вперед.

Дверь открылась в тот момент, когда я выходил. Молодая медсестра пришла с подмогой, притащив с собой крупную

женщину с гневным оскалом на лице. Она только открыла рот, как я вышел и рявкнул:

– Дверь потом закройте!

Шел быстро, с недовольством наблюдая, как девчонка, возмущенная тем, что не разрешил нормально застегнуться, повернулась так, что полностью прижалась грудью ко мне, показывая всем спину.

Охренеть...

Она проверяет мое терпение?!

Зря... Результат увидит очень скоро, когда окажется подо мной.

Не знаю, откуда силы появились и смог двигаться дальше, потому что в голове стояла только одна навязчивая мысль – погрузиться до предела в эту непокорную девчонку, которая сворачивала мою кровь.

Посадил Марию в салон и захлопнул дверцу, понимая, что так не пойдет. Прошло всего несколько часов, как она села ко мне в машину, а меня ломает как наркомана. И это выкашивало.

Выкурив сигарету, выкинул бычок на асфальт и придавил ботинком. Сел на водительское кресло и забил в поиске, где в этой дыре есть гостиница, чтобы успокоить плоть и начать соображать нормально.

Нашел. Пять минут езды.

Быстро завел машину и поехал, сворачивая перед двухэтажным зданием. Остановился и резко обернулся, приго-

тавливаясь к слезам, но пораженно застыл, наблюдая, что Мария уснула.

Хрупкая, нежная и ранимая.

Да уж... угораздило же зависнуть на хорошей девочке... с ребенком.

Естественно, это так... на время. После нескольких трахов она надоест. Даже не сомневался.

Ну а пока...

Сел ровно и повернул ключ зажигания. Есть еще несколько часов для дороги и там уже ближайший город, где можно отдохнуть в гостинице с нормальными условиями.

Через секунду выезжал с парковки, сжимая руль, стараясь не думать, отключая эмоции. Только дорога и огромная скорость. Истинное удовольствие для водителя.

Глава 6

Мария

Просыпалась от мысли, что по мне прошелся грузовик. Да так, что места живого не оставил. Открыла глаза и уставилась в белоснежный потолок, отсвечивающий в темноте светом фонаря за окном.

«Где я?»

По спине прошел холодок. И не потому, что мне было страшно в неизвестной комнате, а от понимания – рядом лежал мужчина.

Ферзь.

Резкий аромат туалетной воды, морского геля и чистой кожи заполнил легкие, и стало совсем нечем дышать. На секунду закрыла глаза, вспоминая сегодняшний день. Или вчерашний? Воспоминания окрасились в черный цвет, не оставляя надежду на счастье. Но я не могла сдаться.

Медленно поднялась, зная, что если останусь, будет хуже. Мне нужна прохлада. Голова гудела так, что хотелось рухнуть вниз в надежде, что станет лучше.

Кое-как добралась до ванны и закрылась. Все тело болело, и я начала снимать с себя одежду, так невыносимо раздра-

жающую кожу. И запах... я пропиталась кожей автокресел и ароматизатором машины. С огромным усилием забралась в душ и включила холодную воду. Стояла под ледяными каплями и приходила в себя, на крупицу времени получая облегчение.

Но лишь на мгновение... Через ничтожные секунды оно прошло. Кожа покрылась мурашками, но не от температуры, а потому, что меня трясло от боли.

Укутавшись в полотенце, я выбралась из душевой, но тут же остановилась, понимая, что плохо еще оттого, что рука и нога давали о себе знать. Представляла собой комок нервов. Спиной прислонилась к стене и прижала пальцы к вискам, массируя их.

– Что с тобой? – услышала голос Ферзя и резко обернулась, сдерживая вскрик, отмечая сурового мужчину с лохматым ежиком на голове и в одних боксерах. Он был хорошо развит физически. Мускулистое тело, мощные ноги, хищные черты лица. И пусть сейчас он был строг, но помятое лицо говорило, что он действительно спал.

Странно, Ферзь – обычный мужчина? Даже не верилось...

Напряглась, вспоминая его вопрос, и прошептала:

– Болит голова... рука и нога.

Посмотрела на него, но не увидела эмоций. Ни одной. Мужчина сканировал своим агрессивным взглядом, а потом стиснул губы в тонкую линию и двинулся ко мне.

Сжалась и всхлипнула, когда он быстрым движением под-

нял и, прижав к груди, пошел из ванной. Молчала, стараясь не заплакать. Зачем? Ведь я добровольно согласилась. Я была уверена, что он решил утолить похоть, наплевав на мое состояние.

Да и какая разница? Все равно ЭТО случится. Рано или поздно, но случится. И пути назад нет...

Как же мне плохо...

Главное – чтобы не вырвало.

Оказавшись на кровати, я растерянно пыталась сконцентрироваться на мужчине, удаляющимся в сторону выключателя. Врубив свет, он подошел к борсетке и достал из бокового кармашка прямоугольный пакетик белого цвета. Высыпал все в стакан и залил водой из бутылки с белой жидкостью. Размешав, схватил его и направился ко мне.

Была надежда, что там обезболивающее, но как-то не верилось. Когда Ферзь приблизился и вручил стакан, пихая в дрожащую руку, я услышала:

– Пей.

– Что там? – хрипло пробормотала, понимая, что даже если яд, то мне придется все равно выпить. Куда мне деваться?!

– Обезболивающее, – сухо выдал он и сложил руки на груди, ожидая от меня действий.

Сглотнув, я поднесла стакан ко рту и стала пить небольшими глотками, пока не осталось несколько капель. Мужчина забрал стакан и рявкнул:

– Ложись.

«Ложись? Это мне? Я могу спать?»

Прижала руку к груди, только сейчас понимая, что я в полотенце, но не было сил идти за одеждой, тем более грязной. Осторожно опустилась на подушку, закрывая глаза, надеясь, что боль пройдет.

Послышался удар по выключателю и свет погас, погружая комнату в темноту. А через мгновение почувствовало тепло от мужчины, прилегшего рядом. Ферзь не прикасался, развалившись на второй половине, а я не верила своему счастью. Он меня не трогал! Перевернулась в противоположную сторону, но резко открыла веки, когда услышала:

– Будет хуже, скажешь.

Обернулась.

Даже в темноте видела его профиль. Он смотрел на потолок, а потом повернулся ко мне. Стало неудобно, и хотела отвернуться, но слова сами пошли:

– Ты сможешь найти Алену?

Он не ответил, а я ждала, сжимая ткань простыни. Неужели трудно сказать «да»? Почему с ним так сложно? Он ведь обещал... А сейчас не может подтвердить свои слова.

– Да. Будь уверена, ты увидишь своего ребенка.

– А... – облизнула сухие губы и прошептала: – Ей ничего не сделают?

– Нет. Они ждут ответа от Высокова.

– Но он не знает...

– Уже знает, – резко выдал Ферзь и сухо продолжил, – и откажет.

Резко подскочила, понимая, что это значит для моей девочки, но тут же послышался приказ:

– Маша, ляг на место!

– Но... она ведь... – бубнила под нос, забывая о боли, обо всем, лихорадочно соображая, как быть.

– Высоков будет пока молчать. В его жену сегодня стреляли и она в больнице в тяжелом состоянии.

– Но откуда... откуда ты знаешь? – с волнением прошептала, считая, что он меня запугивает. Ведь Владимиру так нужна была Алена – он не мог так просто потерять ее, отдав на растерзание монстрам.

– Знаю. Не надейся, что будет иначе. Высоков не отдаст то, что приносит ему основной доход. Исключено. А если он еще лишится жены, без которой ничего не представляет, то совсем озверееет. В любом случае... без нее... твоя дочь ему не нужна. Это личная прихоть Высоковой.

«Это личная прихоть Высоковой... Как же так? Как?»

– Если так, то Алена в опасности... – задыхнулась от такой мысли. Как же такое возможно? Получается, это жена Владимира захотела ребенка, а он согласился?

Растерялась, забывая, как правильно дышать. Тяжелые мысли сжимали виски, причиняя еще больше боли.

– Он будет молчать. Люди, которые стреляли... дали ему время подумать, так что у нас есть время, чтобы вычислить,

где ее будут прятать.

Продолжала сидеть, сжимая себя за плечи. Так хотелось закрыть глаза и оказаться в другом месте – там, где тихо и спокойно, где нежно светит солнце, громко завывает песню дождь, ударяя каплями по крыше дома... Куда угодно... только бы мы там были с дочерью вместе.

Мечты... Или нет?

Смахнула слезы, и в следующую секунду охнула, когда полетела в сторону подушки и оказалась в захвате сильных рук. Мужчина зажал своим телом и на мои удары руками отреагировал молниеносно – с силой сцепил их, прижимая к торсу, грубо чеканя:

– Спи! Пять минут твоих дерганий, и я возьму то, на что подписалась. Так что не беси меня, раз уж решил не трахать скорчившуюся от боли девчонку.

– А что... можешь? – с обидой спросила и сама же ответила: – Ну, конечно, можешь! Естественно. И даже если ты противен...

– Маша, – прорычал мужчина, намекая, чтобы замолчала, но было так обидно, и я начала дергаться, с отчаянием выдыхая:

– Ненавижу тебя и не хочу...

– Маша! – он буквально кипел от ярости, до боли сжимая кисти. – Ты что творишь, мать твою?! Успокойся!

– Вы все – СВОЛОЧИ! Ненавижу... Ненавижу! Как же я вас всех ненавижу, – на последних словах разревелась, при-

жимаясь к обнаженной груди, не в силах справиться с эмоциями.

Не могла я... Не могла иначе.

– Проклятье! – выдал он и резко упал на спину, потянув на себя, зажимая левой рукой, накрывая правой. Он просто держал... пока я сотрясалась от всхлипов, а через мгновение стало безразлично и спокойно. Разум полностью отключился, и я погрузилась в сон.



Проснулась рано утром от прохладного воздуха и запаха сигарет с ментолом. Ферзь курил на балконе. Открыла глаза и уставилась в потолок.

Выспалась. Как никогда. И теперь хотела узнать, когда мы отправимся за дочкой.

Как она без меня? Ей ведь страшно. А если...

Нет! Они ничего ей не сделают. Не должны...

Ферзь обещал, что все будет хорошо.

Тут же в голове колыхнулась мысль, что он мне не поможет после вчерашнего. Вела себя ужасно, не как благодарная заказчица, которая платит телом за спасение дочери. Подумала, и не могла поверить, что это обо мне. Странно и мерзко. Получается, я продажная? Или нет?

В любом случае – я вчера сорвалась. Даже не представляла, как осмелилась, но вот так получилось. Нервы.

Нахмурилась, только сейчас осознавая, что обнаженная. Полотенце лежало на полу. Думаю, развязалось ночью и я скинула его.

Быстро подняла и обвернула тело. Осторожно поднялась, опасаясь, что головная боль вернется, и направилась в ванную комнату. После того как сделала необходимые дела, с радостью заметила новые щетки в двух экземплярах. Один был распакован. Пока чистила зубы, думала о том, что Ферзь может отказать мне. Он не тот человек, чтобы возиться, когда заказчик не выполняет своих обязанностей. А я... не только не выполняю, но еще и сорвалась.

А если он откажет? Что тогда делать?

Ополоснула лицо холодной водой, но, понимая, что этого недостаточно, направилась в душевую кабину. Контрастный душ освежит и приведет в чувство.

Через десять минут накинула на влажное тело белый халат и вышла из ванной комнаты. Оказавшись в просторной комнате, увидела на небольшом выступе, отделяющем спальную зону от обеденной и гостиной, стеклянный стол, накрытый на двоих. На высоком стуле сидел Ферзь и что-то просматривал на планшете, листая пальцем по экрану. Потом он взял смартфон и начал быстро набирать цифры. Думала, он не увидел меня, но он резко поднял голову, указал на стул и выдал:

– Ешь, скоро поедем.

Кивнула и послушно пошла к выступу. Присев на стул, я

посмотрела на свою тарелку с двумя яйцами и тремя полосками бекона. Горький ком застрял в горле – я не смогу это съесть.

– В чем дело? – мужчина смотрел на меня с недовольством.

Пожала плечами и взяла вилку, заставляя себя, напоминая вновь и вновь, что не в гостях. Я должна. Отщипнула кусочек и, положив в рот, начала медленно жевать, чувствуя, что вот не смогу я ЭТО проглотить. Кусок застрял в горле, отчего появилась тяжесть в груди. Быстро схватила кусочек мякоти хлеба и проглотила, запивая соком. Провалилось. Тяжело вздохнула и с ужасом посмотрела на тарелку.

– Я понял. Лех, потом. Мне некогда, – выдал Ферзь и отключился. Даже не поняла, когда он начал говорить по смартфону. Неужели я была так поглощена завтраком, что не заметила?

Чувствуя пронзительный взгляд, подняла глаза и замерла, отмечая, как мужчина прищурился.

– Что опять?

– Все хорошо, но... я не голодна. Спасибо, – пролепетала, стараясь говорить бодро.

Ферзь лениво облокотился на спинку и некоторое время прожигал глазами, отчего чувствовала себя раздетой. Сглотнула и, желая перевести его внимание на разговор, спросила:

– Когда поедем?

– Уже как пять часов назад должны были, – спокойно вы-

дал он и схватил кружку с кофе, делая большой глоток.

– Ты не разбудил... – скованно сказала, очередной раз злясь на себя. Если бы не была такой слабой, дело двигалось быстрее.

– А что бы это дало? Ты себя помнишь или рассказать?

– Прости... – выдала, обняв себя за плечи. И почему время нельзя повернуть вспять?! Я бы все изменила. Но нет такой возможности...

– В тебе и пятидесяти килограммов нет. Еще немного и проблемы со здоровьем начнутся.

– Я не могу есть... от переживания, – призналась, понимая, что сейчас хочу есть, но мне не осилить яйца с беконом.

– А что можешь?

– Круассаны или... блинчики.

Кивнув, Ферзь лениво потянулся к трубке для общения с персоналом и нажал кнопку.

– 323 номер. Можно два круассана? – мужчина вновь сделал глоток, на секунду повел челюстью, потом посмотрел на меня и уточнил: – С чем?

– С черникой, – выдохнула и, понимая, что из-за меня он беспокоит персонал, поспешно открыла рот, попросить не волноваться, но не успела.

– С черникой. Два. Хорошо. Да, и чай.

Ощущая себя капризной принцессой, выдохнула:

– Спасибо, но не стоило.

– Пока их не съешь, из-за стола не встанешь, – он сделал

паузу. – И я не шучу.

Замялась, и тут же выдохнула вопрос, который внезапно возник в голове, не давая нормально думать.

– Почему ты вчера помог?

– А что я должен был сделать, когда вместо секса ты устроила истерику? – мрачно поинтересовался он.

– Заставить...

– Хм... ну да... я же монстр, а ты принцесса, – грубо выдал Ферзь с ироничной усмешкой, впиваясь своим цепким взглядом.

– Я не принцесса...

– Но я монстр, верно? – ледяным тоном уточнил он и поднялся. Стало не по себе, когда он сделал шаг ко мне. И только я застыла, приготавливаясь к худшему, как в дверь постучали.

Мужчина продолжал пожирать взглядом, не обращая внимания на стук, но потом нахмурил брови и направился к двери. Через минуту он вернулся с подносом. Поставил передо мной и произнес:

– Чтобы все съела, – сделал паузу, – либо монстр позавтракает тобой.

Сглотнула. Можно было понять его слова двусмысленно. Я взяла еще теплый круассан и с удовольствием откусила, с наслаждением запивая ароматным чаем. Вот так я могла принимать пищу. И сразу появлялись силы, и верила, что все получится. Я обязательно буду со своей маленькой девочкой.

Второй не осилила, но чай весь выпила. Пока жевала, думала о своих словах и поняла, что, вероятно, обидела человека. Кто я такая, чтобы судить? Я сама наделала столько глупостей, но ведь не считаю себя чудовищем. Хотя... может, так и есть.

Поднялась и пошла на балкон, куда Ферзь ушел после того, как отдал поднос, но, открыв дверь, поняла, что его нет.

Испугалась. Ледяной озноб моментально охватил тело.

Где он?

Оставил одну?

Только решила пойти посмотреть в ванной, как почувствовала руки на своей талии и теплое дыхание на шее. Мужчина прижал к своему возбужденному телу, вдавливая попой в его бедра, давая ощутить, насколько возбужден, и протянул:

– Меня потеряла, принцесса?

Схватила за дверь, чтобы не упасть, когда он оголил плечо и жадно поцеловал, слегка прикусывая. Его рука медленно прошла до груди и сжала холмик через ткань, которую совсем не ощущала, только его горячую ладонь.

От эмоций всхлипнула и, чтобы прийти в себя, ответила на вопрос:

– Я не принцесса.

– Согласен... ты котенок. Мой дикий котенок, – хрипло сказал он и резко развернул, схватив за лицо и накрывая губами рот.

Глаза закрылись, мир закружился. Его губы впились в мой рот с грубой жадностью, отчего потерялась на мгновение, ощущая касание языка. Не ожидая от себя, застонала, чувствуя, что не контролирую ничего. Он буквально разбивал вдребезги мой разум, и я не могла сопротивляться, лишь чувствовать, а потом... проклиная себя.

Когда большая ладонь накрыла левую грудь, сжала, вцепилась в него, чувствуя спиной стекло балконной двери. Он резкими движениями освободил от халата, отшвыривая его в сторону, и жадно прислонился ко мне голой мускулистой грудью. Выдав стон, Ферзь провел губами ото рта к уху, щекоча языком чувствительные впадинки, тщательно исследуя их, пока меня не оглушило от наслаждения и я начала извиваться, выгибаясь, полностью отключаясь от реальности.

Его руки... не знали запрета. Мужчина безжалостно ласкал, сжимал, выдавая хриплые звуки, действующие на меня как особый возбудитель.

Мне было все равно... хотелось вновь ощутить его тело, почувствовать толчки.

Но внезапно все закончилось, и он просто смотрел на меня, уперев руки в стеклянную дверь. Ферзь буквально пожирал черными глазами, а потом слегка сжал шею и гневно прохрипел:

– Радуйся, принцесса, оказывается, у монстра есть слабости...

Ничего не могла понять. Совсем. Я пыталась выплыть из

чувственного мира, когда он резко подхватил под бедра и понес к кровати, откидывая одеяло, укладывая на простыню.

Мужчина на секунду задержал взгляд на мне, жадно рассматривая, а потом стянул боксеры, освобождая горячую плоть, и за секунду оказался сверху, нависая надо мной. Сглотнула, чувствуя, как от его взгляда и дикой ауры во мне все переворачивается и хочется молить, чтобы он дотронулся.

Он снова скользнул губами по щеке и накрыл рот, медленно и возбуждающе посасывая губы так, что я всхлипнула, издавая низкий гортанный стон. Никогда не испытывала таких эмоций, даже тогда с ним в душе. Сейчас мужчина будто желал показать, что он может быть другим – диким, но заботливым.

Ферзь нежно втянул язычок, потом дал насладиться своим, а когда я инстинктивно попала в такт его движениям, поцелуй начал набирать безумные обороты, ошеломляя своим напором и страстью.

Огонь. Я горела в языках пламени, все больше и больше мечтая получить удовольствие, но он нагло заводил, отказывая в утолении жажды, отчего цеплялась за его руки, раздирая до крови, слыша его довольный рык:

– Котенок...

Мужчина приподнялся и, не прерывая бешеного взгляда, резким движением раздвинул коленом мои ноги, вклиниваясь, отчего меня затрясло. Ожидание было невыносимо. Я

его ненавидела за это и за...

Он придавил своим весом, заставляя почувствовать жесткий нажим его тела и члена, упирающегося в меня толстой головкой. Я надеялась, ждала, но он потянулся к грудям, накрывая, собственнически сжимая и не двигаясь дальше. Только хотела потребовать, как мужчина ущипнул сосок, нежно сжал, потянул, затем с силою прикусил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.